

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного

**Экономические санкции как сфера-мишень
метафорической экспансии в СМИ России и США**

Выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата

подпись

Исполнитель:
Тихонов Виталий Владимирович,
обучающийся МЯ-21 группы

подпись

Руководитель ОПОП:

подпись

Научный руководитель:
Будаев Эдуард Владимирович,
доктор филологических наук, про-
фессор

подпись

Екатеринбург 2016

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы сопоставительного исследования метафорического моделирования.....	6
1.1. Когнитивный подход к анализу метафоры	6
1.2. Дискурсивный подход к анализу метафоры	17
1.3. Моделирование как метод исследования метафоризации	23
Выводы по первой главе	31
Глава 2. Метафорические модели в СМИ России, США и Великобритании	33
2.1. Метафорическая модель со сферой-мишенью «Экономические санкции»	33
2.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Человеческий организм»	40
2.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Болезнь»	55
2.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир животных»	68
2.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Война»	79
2.6. Метафорическая модель со сферой-источником «Театр»	85
2.7. Метафорическая модель со сферой-источником «Спорт и игра»	94
Выводы по второй главе	100
Заключение	103
Список литературы.....	107

Введение

Данная диссертация посвящена сопоставительному исследованию метафорических моделей, используемых в средствах массовой информации США, России и Великобритании, с целью концептуализации экономических санкций и конфликта в Сирии. В процессе исследования выявляются общие черты и специфика метафорического осмысления сирийского конфликта.

Актуальность обусловлена текущей политической ситуацией, свидетельствующей о значимых расхождениях между Россией и странами Запада в понимании моделей совместного сосуществования. Несмотря на рост взаимного недоверия и введения экономических санкций, ни одна из сторон не стремится полностью отказаться от сотрудничества и вернуться к тотальному противостоянию. На этом фоне обращение к проблеме концептуализации внешнеполитических проблем в англоязычных и отечественных СМИ, направленное на поиск общего и специфичного в российском и англосаксонском дискурсах является актуальной научной задачей.

Объект исследования – метафорические словоупотребления в российском, британском и американском политическом дискурсе в период с 2011 – 2016 гг.

Предмет исследования – когнитивное-дискурсивные особенности метафорического моделирования экономических кризиса, вызванного введением санкций, и сирийского конфликта в российских, британских и американских политическом дискурсе.

Цель настоящей диссертации – выявление особенностей метафорической концептуализации сферы-мишени в СМИ России, США и Великобритании.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить теоретические и методологические основы когнитивно-дискурсивного анализа метафоры.

2. Выявить и систематизировать метафоры, репрезентирующие сферу-мишень в СМИ российских, американских и британских.

3. Описать и классифицировать метафорические модели в СМИ России, США и Великобритании.

4. Выделить универсальные и национально-специфические особенности метафоризации в российском, британском и американском политическом дискурсе.

Материалом для данного исследования послужили тексты печатных и электронных американских, британских и российских СМИ, которые содержали в себе метафоры, описывающие экономические санкции и сирийский конфликт. Всего было проанализировано 1221 текст, из которых было отобрано 836 метафорических единицы, из них 431 метафора приходится на российские СМИ, и 432 на англоязычные СМИ.

Методологическая основа исследования опирается на когнитивно-дискурсивную парадигму языкознания (В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова), теорию концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теорию метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, Й. Цинкен), дискурс-анализ (Т. ван Дейк, Р. Водак, Ю. Б. Феденева, Е. И. Шейгал, Дж. Юл).

В процессе работы использовались следующие **методы**: когнитивно-дискурсивный анализ, метафорическое моделирование, классификация, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурологической характеристики исследуемых явлений.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проведено исследование метафорической концептуализации экономических санкций и сирийского конфликта в российском, британском и американском политическом дискурсе.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования ее материалов в практике преподавания иностранного языка, межкультурной коммуникации, языка современных

СМИ, когнитивной и политической лингвистики и лингвокультурологии.

Структура диссертации определяется ее задачами, отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, а также включает библиографический список.

В первой главе определяются теоретические основы исследования: анализируются основы когнитивного и дискурсивного подходов к анализу метафоры, обосновывается выбор когнитивно-дискурсивной методологии и определяется методика для сопоставительного описания метафорических моделей.

Во второй главе рассмотрены сферы-источники метафорической экспансии, актуализированные в российских, британских и американских СМИ для концептуализации экономических санкций и сирийского конфликта; проводится сопоставительный анализ российских, американских и британских метафорических моделей, выявляются их общие и специфичные черты.

В заключении делаются основные выводы по проведенному исследованию, а также намечаются дальнейшие перспективы исследования концептуальной метафоры в политическом дискурсе.

Апробация материалов исследования. Материалы диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях:

Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. – Выпуск 2(56). – Екатеринбург, 2016. – С. 43–49.

Кропотухина П. В., Тихонов В. В. Метафоры и «контрметафоры» санкционного дискурса// Политическая лингвистика. – 2015. – Вып. 4(54). – С. 97–100.

Kropotuhina P. V., Tikhonov V.V. Metaphoric presentation of sanctions against Russia in British and US mass-media // Personality, Society, State, Law: Problems of Correlation and Interaction: materials of the IV international scientific conference on October 15-16, 2015. – Prague: Vedecko vydavatelske centrum “Sociosfera-CZ”, 2015. – P. 50–53.

Глава 1. Теоретические основы сопоставительного исследования метафорического моделирования

Данная глава посвящена рассмотрению теоретических основ когнитивно-дискурсивного анализа как методологической основы современной теории метафорического моделирования.

Описывается когнитивный подход к анализу метафоры, а также основы дискурс-анализа применительно к исследованию политической метафоры, описываются методики когнитивного исследования метафоры в политическом дискурсе.

1.1. Когнитивный подход к анализу метафоры

Становление когнитивного подхода к метафоре тесно связано с усилением внимания исследователей к процессам мышления. Дж. Миллер связывает один из симпозиумов середины 50-х гг. по теории информации с «днем рождения» когнитивной науки. Данный симпозиум, — вспоминает Миллер, — убедил его в том, что «экспериментальная психология человека, теоретическая лингвистика и симуляция когнитивных процессов на компьютере, — все то части какого-то общего целого и, что будущее увидит дальнейшее развитие и координация этих дисциплин» [Кубрякова 38: 2014] в рамках когнитивной науки. Сам термин когнитивная наука был введен, чтобы назвать так определенный круг научных дисциплин объединившихся для совместного изучения процессов, связанных с получением и обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. Когнитивную науку можно представить как синтетическую науку, как некий купол, объединяющий под собой математику, философию, лингвистику, психологию и др. В нашем исследовании мы обратим особое внимание на когнитивную лингвистику.

Когнитивная лингвистика получила широкое распространение в России и за рубежом (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Лассан, Э. Рош, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, Л. И. Гришаева, В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Г. Н. Манаенко, Е. М. Позднякова, Е. В. Рахилина, Л. В. Цурикова, А. П. Чудинов). Причина такой популярности в области лингвистики была вызвана доминированием в середине XX вв. новой антропоцентрической парадигмы. Возможностью посмотреть на язык как на инструмент познавательной деятельности человека.

Вильгельм фон Гумбольдт сказал: «Язык, есть орган, образующий мысль» [Humboldt 1841 – 1852, т. 6: 51], что стало причиной больших споров о роли языка в формировании ментального мира человека. Язык, — пишет Гилберт Харман, — является главным топиком когнитивной науки. Частично это связано с тем, что язык отражает познание в качестве главного средства выражения мысли так что изучение языка — это некий косвенный путь изучения познания. «Возможно также, что язык отражает познание в качестве главного средства выражения мысли, так что изучение языка — это некий косвенный путь изучения познания» [Harman, 1988, с.43].

Когнитивная лингвистика – научное направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков 1995: 304] и когниция «в ее языковом отражении» [Рудакова, 2002, с.10]. Когнитивная лингвистика, возникшая в США (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Л. Талми, У. Чейф, Р. Джэкендофф, М.Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье и др.), представляет собой совокупность исследовательских программ, объединяемых набором постулатов общего характера [Баранов, Добровольский 1997] и общей целью исследовать корреляции взаимодействия языка и мышления (языковых и когнитивных структур) [Будаев, 2006, с.12].

Центральным в когнитивной лингвистике является категория знания, проблема видов знания и способов их языкового представления, так как именно язык является основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания. Из этого следует, что категоризация человеческого опыта

с его когнитивной деятельностью находит свое выражение в языковых формах.

Одним из наиболее продуктивных направлений в когнитивной лингвистике является изучение концептуальной метафоры. Неудивительно, что именно метафора стала отправной точкой когнитивного подхода к языку: постулируемый в когнитивной лингвистике принцип нерелевантности разграничения лингвистического и энциклопедического знания наиболее очевиден в метафоре, которая является едва ли не единственным феноменом, «вносящим недискретность в дискретную структуру языка» [Баранов, 1991, с.188].

Метафора играет очень важную роль в проблеме категоризации, так как она является проявлением аналоговых возможностей разума человека. «Метафору в современной когнитивной лингвистике принято определять как ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Будаев, Чудинов, 2008, с. 41]. Также, Э. В. Будаев в своей книге «Сопоставительная метафорология» пишет, что «Метафоры в языке — это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [Будаев, 2011, с. 36].

Интерес к изучению концептуальных метафор усилился благодаря работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона “*Metaphors We Live by*” (“Метафоры, которыми мы живем»), изданная в 1980 году. В этой книге были описаны основы когнитивного подхода к изучению метафоры, основывающемся на положении о том, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004, с.25]. Хотя, стоит упомянуть о том, что и до выхода данной работы, многие исследователи такие как Ф. Ницше, К. Льюис, С. Пеппер, Ф. Баретт, Х. Уолпоул, П. Рикер, М. Эрикссон и другие отмечали, что метафоры — это явление ментальное, причем не-

редко культурно специфическое.

Возвращаясь к работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона “Metaphors We Live by”, необходимо отметить, что именно, в ней была разработана система описания метафор как когнитивного механизма, что показало свой практический потенциал в дальнейшем. Авторы говорят, что метафоры не ограничены лишь одним языком: «процессы человеческого мышления во многом метафоричны» [Лакофф, Джонсон, 2004, с.27]. В следующей своей работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф пытается четко отграничить метафорическое выражение от концептуальной метафоры, отмечая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [Lakoff, 1993, с. 203]. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариям) двух концептуальных доменов — сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, элементы сферы-источника структурирует менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический и культурный опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур — «схем-образов» (image-schemas) (теория телесного разума) [Будаев, 2007, с.8].

Однако, как отмечает А.П. Чудинов [Чудинов, 2001, с.28], на данном этапе развития науки не было выдвинуто ни одного единого термина для обозначения метафорических моделей, которые бы образно представляли ту или иную понятийную сферу, используемую при этом лексику, относящуюся в первичном значении к совсем иной сфере. Для обозначения такого моделирования (и ряда близких явлений) специалисты используют термины архетип или метафорический архетип (Панченко, Смирнов, 1976, Юнг, 1987), базис-

ная метафора (Лакофф, Джонсон, 1990), метафорическая модель (Баранов, Караулов, 1991, Чудинов 2001), образ-схема (Лакофф, 1988), парадигма образов (Павлович, 1995), поэтическая формула (Кузьмина, 1999), образ (Илюхина, 1998), модель регулярно1 многозначности (Шмелев, 1964, 1973, Апресян, 1971, Чудинов, 1988), метафорическое поле (Скляревская, 1993) и др. Все эти термины имеют различную внутреннюю форму, которая акцентирует собственно лингвистический, культурологический, психолингвистический или когнитивный аспект рассматриваемого явления, отражают традиции различных научных школ и направлений.

Приведем несколько примеров, показывающими то, что концептуальная метафора является структурным элементом нашего сознания, согласованный с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (спор — это война). Метафора, в данном случае является инструментом осмысления спора, нежели его описания. Можно выиграть или проиграть этот спор, каждая из сторон спора — противники, которые используют некую стратегию, занимают выгодные позиции, ведут огонь аргументами. Вместе с тем можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники — как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф, 2004, с.26–27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff, 1993, с.210], по этой причине, метафоры в сознание людей очень часто не осознаются.

Данное научное представление об онтологическом статусе метафоры и её гносеологическом потенциале легли в основу когнитивной методологии исследования метафоры, соединив воедино достижения как классического, так и когнитивного подхода к изучению метафоры: классическая теория концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1990, 1993], теория концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1994, 1998; Turner, Fauconnier 1995, 2000], теория первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996], коге-

рентная модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002; Chung et al. 2003], коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchi 2003a, 2003b, 2004a, 2004b], дескрипторная теория метафоры [Баранов, Караулов 1991, 1994], теория метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003а, 2003б] и др.

Американские исследователи концептуальной метафоры разделяют её на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах один концепт метафорически структурирован в терминах другого, для осмысления сферы-мишени (*argument is war*); онтологические метафоры категоризируют абстрактные (нематериальные) сущности в автономную, имеющую границы, сущность (*mind is a machine*); ориентационные метафоры не структурирует один концепт в терминах другого, а организуют целую систему концептов, находящихся в оппозиции друг к другу, в которые зафиксирован наш опыт пространственной ориентации (*GOOD IS UP, BAD IS DOWN*).

В настоящий момент исследование когнитивного потенциала метафоры в науке получило широкое распространение. Одно из наиболее важных направлений исследования концептуальной метафоры получило в сфере политической коммуникации, что было выделено еще Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980], рассмотрев следствие концептуальной метафоры Дж. Картера «ТРУД — ЭТО РЕСУРС». Данная метафора позволила скрыть антигуманную сущность экономической политики государства как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Человек, согласно когнитивной методологии, в большей степени реагирует на окружающие его процессы, опираясь на базу собственных когнитивных репрезентаций реальности, нежели на объективную реальность. Система ментальных репрезентаций человека, определяющая поведение человека, строится на основе выводов, которые делаются на основе метафорического мышления. Данным утверждением можно объяснить повышенный интерес к исследованию концептуальной метафоры в области политической

коммуникации современных исследователей таких как А. Н. Баранов, А. А. Каслова, И. М. Кобозева, С. Н. Муране, Н. А. Санцевич, Т. Г. Скребцова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, D. Berho, J. Charteris-Black, P. Chilton, A. Cienki, P. Drulak, R. Hülse, H. Kelly-Holmes, V. Kennedy, G. Lakoff, C. de Landtsheer, G. Lule, M. Luoma-aho, A. Musolff, R. Paris, E. Refaie, T. Rohrer, O. Santa Ana, E. Semino, J. Wei, J. Zinken и др.

Интерес к изучению концептуальной метафоры в политическом дискурсе обусловлен фактом корреляции метафоры и концептуальной системы человека. Метафора определяет сознание человека, следовательно используется она в политической коммуникации для переконцептуализации картины мира адресата. Что наталкивает на вывод, что политическая метафора является значительным инструментом манипуляции общественным сознанием.

Политическая метафора, как пишет Дж. Лакофф, может быть лишена хоть какой аргументативной силы, если она не согласуется с концептами данного общества. А. Мусолфф в своих работах дает понятие концептуальной “эволюции” (conceptual evolution) в теории концептуальной метафоры. Метафоры, по его мнению, функционируют подобно живому организму, который обладает способностью “эволюционировать” и “выживать” наряду с себе подобными.

Финский лингвист И. Хеллстен [Hellsten 1997] выдвинул идею о необходимости различать общие структурные метафоры и исторические метафоры, проецируемые на современные политические ситуации. Такой же точки зрения придерживался Р. Пэрис [Paris 2004], выделяя в отдельную группу исторические метафоры.

Другой исследователь Д. Ричи в своей работе говорит, что метафоры следует анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающий детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт участников коммуникации, так как метафоры непосредственно связаны с фондом общих знаний и убеждений участников акта коммуникации.

Й. Цинкен пишет о возможности разработки теории метафоры, которая бы объединяла антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка, а также указывала на необходимость использования и социокультурных условий, в которых функционирует язык.

Также концептуальная метафора находит широкий интерес среди ученых психолнгвистического направления. Как отмечают А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, «основные сомнения у психолнгвистов возникали по вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами и не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемыми носителями языка» [Будаев, Чудинов 2007: 139]. В своей статье авторы приводят в пример эксперимент Р.В. Гибсона и Н.Л. Вилсона. В ходе данного эксперимента были установлены корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. Корреляции в данном случае не варьируются в зависимости от национальности испытуемых. Кроме этого авторы данного эксперимента, подтверждают взаимовлияние между активацией отвечающих за моторику участков головного мозга и лингвистическими выражениями, связанными с телесным опытом взаимодействия с окружающим миром [Будаев, Чудинов, 2007, с.139 – 140].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что широко используемая методика моделирования может быть применена и при проведение психолнгвистического экспериментов, поскольку создавая метафоры, а также ее декодировании, человек должен обладать хорошим представлениями о обоих соотносимых денотатах и владеть «системой общепринятых ассоциаций» [Блэк 1990].

В 90-х гг. исследователи М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу о том, что метафора обладает сложными динамическими интеграционными процессами, которые способны самостоятельно выстраивать структуру значения. М. Тернер и Ж. Фоконье выдвинули идею о двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space

model) [Fauconnier, Turner 1994]. В отличие от теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которой говорится о наличии только двух концептуальных доменов, М. Тернер и Ж. Фоконые предлагают рассматривать четыре ментальных пространства, включающих два исходных пространства (input space), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space).

Приведем пример, используемый в работе этих исследователей, чтобы практически показать сущность данной теории. «Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг» [Turner, Fauconnier, 2000, с.133–134]. Э.В. Будаев в своей работе пишет, что в рассматриваемом бленде «осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств: президент соотносится с кораблем, а скандал – с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющее пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузально-событийную структуру из известного сценария «Клинтон» (Клинтон уцелел, а не потерпел крушение). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлечённый в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, которая не выводится из фрейма источника. Если метафорические инференции выводятся только из ментального пространства-источника, то Б. Клинтон должен потерять президентский пост. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Этот «невозможный» сценарий формируется не из исходных пространств, а конструируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции [Будаев, 2007, с.15].

С момента появления такой науки как когнитивная лингвистика, поя-

вилось достаточно большое количество теорий исследования концептуальной метафоры, однако, следует заметить то, что разногласия между этими теориями отсутствуют, так как они объединены общим взглядом, опирающийся на онтологический статус и эпистемологическую роль в исследовании роли концептуальной метафоры.

Данное исследование основывается на теории метафорического моделирования, которое получило свое развитие в России на основе достижений отечественной теории регулярной многозадачности (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, Н.В. Багичева, Н.И. Бахмутова, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.), исследований по регулярности семантических преобразований (В.Г. Гак, О.П. Ермакова, Н.А. Илюхина, Н.А. Кузьмина, С.Н. Муране, Г.Н. Складневская, В.Н. Телия, Е.И. Шейгал, Т.В. Шмелева и др.), лингвокультурологии (А. Вежбицкая, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Пименова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.), анализа политического дискурса (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов, П.Б. Паршин, Е.И. Шейгал и др.).

Именно в отечественной школе была разработана методика последовательного и детального описания когнитивной структуры метафорической модели, с использованием фреймо-слотового анализа, были классифицированы основные методики комплексного исследования метафорических моделей, а также инвентаризированы сферы онтологии, задействованные в метафорических проекциях [Баранов, Караулов 1991, 1994; Баранов 2003, 2004; Чудинов 2001; 2003а].

Ход исследования концептуальной метафоры предполагает переход от системы языка к ментальной среде. Однако, данный подход не предполагает отказ от принципа системности, на всех уровнях анализа. Среди этих уровней стоит упомянуть об уровне концептуальном. Вопрос о системности концептуальных структур, их корреляции с языковыми структурами и метаязыка научного описания этой системы был рассмотрен большим количеством исследователей, которые так или иначе, использовали различные как по объе-

му, так и по содержанию понятий при описании структур знаний и их взаимодействий: архетипы (К. Юнг), фреймы (М. Минский), ментальные модели (Ф. Джонсон-Лэрд), гештальты (Дж. Лакофф), идеализированные когнитивные модели (Дж. Лакофф), ментальные пространства (Ж. Фоконье), образ-схемы (М. Джонсон), концепты (Е.С. Кубрякова и многие др.), концептуальные домены (Дж. Лакофф), перцепты (В. Эванс), модули (В.З. Демьянков), интериоризованные схемы (Ж. Пиаже), семантические сети (М. Куильян), скрипты (Р. Шенк, Р. Абельсон), ментальный лексикон (Е.С. Кубрякова), ментальный язык (Дж. Фодор), промежуточный язык мысли (Ю.Н. Караулов), универсальный предметный код (Н.И. Жинкин) и многие другие.

Используемая в данном исследовании теория метафорического моделирования для отображение структуры метафорической модели используются понятие фреймов и слотов. «Фрейм — структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова, 1996, с.188]. Слот — элемент фрейма, описывающий типизированные ситуации и свойства объекта. При характеристике составляющих слота используется термин “концепт”. Кубрякова дает характеристику концепта как единицы, отражающей содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания [Кубрякова, 1996, с.90]. В свою очередь совокупность всех концептов в национальном сознании формирует национальную концептосферу.

Многие исследователи пишут о том, что фреймо-слотовая структура метафорической модели определяется наивными представлениями человека о мире или донаучной картиной мира (А.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Л.Н. Иорданская, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, М.В. Пименова, Г. Радден, Е.В. Рахилина, Е.А. Урысон, Й. Цинкен, А.П. Чудинов, Е.С. Яковлева и др.).

Многие исследователи отмечают, что слова естественного языка не имеют однозначных соответствий с концептуальными структурами (С. Г. Воркачев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик,

Е. С. Кубрякова). При когнитивном анализе речь идет о метафорических выражениях, в которых учитывается не только собственно метафора в её традиционном понимании, но и метонимические переносы, синекдохи, фразеологизмы, сравнительные обороты, что связано с признанной в когнитивистике асимметрией между концептуальными структурами и языковыми средствами их объективации [Будаев, 2007, с.32].

1.2. Дискурсивный подход к анализу метафоры

В данном параграфе мы рассмотрим проблему определения дискурса, определим рамки политического дискурса, рассмотрим основные подходы к дискурс-анализу политических метафор в современной лингвистике, а также обозначим актуальные направления исследования политической метафоры при когнитивно-дискурсивном подходе.

Как уже писалось выше, со сменой парадигм в науке, изучение языка осуществляется в широком экстралингвистическом контексте, в котором учитывается большое количество факторов. Многие ученые обращаются к понятию дискурс, которое понимается как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, психическими и др.; как текст, взятый в событийном аспекте; как речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие; собственно коммуникативное событие [Дейк 1974].

Хотя исследование такого предмета как дискурс ведутся на протяжении уже длительного времени, среди работ посвященных данной тематике наблюдается многообразие дефиниции, а также подход к его изучению, где подчеркиваются различные направления теории дискурса, качества, характеристики и функции дискурса.

Так например, в рамках формального направления Демьянков пишет, то дискурс есть «разговор, речь на заданную тему» [Демьянков 1995]. В рамках прагматического подхода Е. С. Кубрякова представляет дискурс как «та-

кую форму использования языка в реальном времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и ее целями» [Кубрякова 2004: 525]. Т. А. ван Дейк пишет, что «дискурс — это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию "коммуникативное событие» [Дейк, 1989, с.46]. Исследователи коммуникативно-дискурсивного подхода представляют дискурс, как «язык, используемый в речи или письме, форма социальной практики» [Тичер, Мейер, Водак 2009] или «часть социальной деятельности в рамках социальной» [Фэрклоу 2010].

Многие исследователи, например, (Т. А. ван Дейк 1989, В. Кинч, В.З. Демьянков, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, W. Chafe, W. Labov, О. В. Александрова, Е. С. Кубрякова 2004, В. В. Красных признают, дискурс сложным коммуникативным явлением, связанным с определенным контекстом, жанром и идеологической принадлежностью, культурой, социальному статусу, а также конкретным историческим периодом.

В данном исследовании мы будем опираться на позиции тех ученых, которые опираются на определения термина «дискурс», как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 1989, с.8], преимущество которого было описано А. П. Чудиновым. В данном случае «дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов, 2001, с.196].

Далее, прежде чем перейти к описанию рассмотрим такое направление как политическая лингвистика, в рамках которого и проводится данное ис-

следование.

Политическая лингвистика является синтезом лингвистики и политики. По причине того, что ни одна политическая система не способна существовать без коммуникации.

Как пишет А.П. Чудинов, «для современной политической лингвистики в полной мере характерны ведущие черты современного языкознания: антропоцентризм (языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), экспансионизм (включение в область исследования лингвистики ряда смежных проблем, то есть ее расширение), функционализм (изучение языка в действии, в функционировании), экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение)» [Чудинов, 2003, с.4].

В исследовании, относящемся к области политической лингвистики, мы не можем обойтись и без введения термина политический язык, сформулированного Б. Н. Барановым «Политический язык — это особая знаковая система, предназначена именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений» [Баранов, 1991, с.6]. Д. Грейбер дает, несколько отличное определение, «Политическим язык делает не наличие каких-либо специфических грамматических форм, а скорее содержание передаваемой информации, обстоятельства, в которых происходит распространение информации (социальный контекст), и выполняемые функции. Когда политические агенты (actors) общаются на политические темы, преследуя политические цели, то, следовательно, они говорят на языке политики» [Graber, 1981, с.196].

В общем, мир политики многогранен и охватывает большое количество различных явлений таких как: субъектов политической деятельности, различные институты, традиции, культура, средства массовой информации и др. Данный явления политической действительности, так или иначе формируют политический дискурс.

Для определения границ политического дискурса, обратимся к П. Серию, которые отмечает, что «не существует такого высказывания, в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определённой социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [Серийо, 2002, с.21]. Чтобы определить границы именно политического дискурса мы рассмотрим критерии предложенные Е. И. Шейгалой, отмечая, что «политический дискурс включает как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения» [Шейгал, 2004, с.18–32].

Отметим, что в данной работе мы будем использовать определение политического дискурса в самой широкой форме, к которому отнесли и дискурс СМИ. В масс-медийном дискурсе используется широкое разнообразие коммуникативных стратегий, целью которых могут являться: перенос ценностей, убеждение, запугивание, героизация, создание политической и психологической напряженности. Также, большинство сообщения передаваемые адресанту через СМИ, связывают его с политической жизнью общества.

Как и в ситуации исследования дискурса, в науке нет единого подхода к изучению политического дискурса. В лингвистике сложилось три основных направления анализа политического дискурса: дескриптивный, критический и когнитивный. Критический анализ политического дискурса направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе.

Дескриптивный подход относится к методике риторического анализа публичных выступлений, основанного на трудах древне-греческих философов. В данном подходе ученых волнует изучение языкового поведения политиков и тех языковых средств, приемов, а также манипулятивных стратегий, которые могут использовать в своей речи политики (см. Bergsdorf 1978,

Atkinson 1984, Николаева 1988, Holly 1989, Михальская 1996, Баранов 1997, Паршин 1999).

При дескриптивном подходе ученые анализируют также и содержательную сторону политических текстов. Шейгал пишет, что «методы контент-анализа и когнитивного картирования позволяют выявить когнитивные диспозиции отдельных политиков — ценности, склонность к конфликту или сотрудничеству, характер причинно-следственных связей в соответствующих фрагментах картины мира» [Шейгал, 2000, с.7]

Критический подход направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления.

Выделяют три основных школы критического дискурс-анализа:

- когнитивный анализ дискурса Т. ван Дейка [Dijk 1997];
- дискурс-анализ Н. Фэрклоу [Fairclough 2002];
- немецкая школа критического анализа дискурса, например У. Маас.

Большинство исследований в рамках критического дискурс-анализа направленно на изучение способов воспроизводства социального, гендерного, расового и этнического неравенства, кроме того объектом КДА являются международные отношения [Будаев 2011].

Однако стоит заметить, что КДА не является самостоятельной методологией. «Критический дискурс-анализ — это набор общих признаков, применяемых преимущественно в аксиологическом и этическом измерении исследований, в то время как методологической базой становятся иные подходы» [Будаев 2011: 71]. В подтверждение этому можно привести примеры исследований Дж. Чартериса-Блэка [2004], В. Коллера [2004], Лакоффа [2004], Харди [2003] и др., которые использовали синтез критического дискурс-анализа с другими направлениями современной лингвистики.

В отечественной школе был разработан когитивно-дискурсивный под-

ход для исследования политической метафоры, которая вобрала в себя школу критического анализа Т. А. ван Дейка. «При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определённой политической позицией» [Будаев, Чудинов, 2008, с.38].

В статье Э. В. Будаева и А. П. Чудинова «Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации» описываются направления исследования политических нарративов.

1. Исследование метафор, характерных для того или иного политического периода. Авторы приводят в пример работы таких исследователей как А. Н. Баранова [1991], А. П. Чудинова [2001], Р. Д. Андерсона [2002]. Основной идеей данных работ, исследование ведущих политических метафор в определенный исторический период.

2. Исследование метафор, связанных с той или иной военной кампанией. В данных исследованиях также выявляется ведущая метафора, с помощью которой моделируется осмысление той или иной военной компании. Примерами таких исследований могут послужить работы Дж. Льюл [Lule 2004], описывавший базовые метафоры в перед началом второй войны в Ираке. Дж. Лакофф [Lakoff 2003], также работавший над той же сферой-источником, выделил базовые метафоры, используемые для переосмысления отношений между США и Ираком.

3. Исследование метафор, связанных с тем или иным политическим событием (процессом). В данных исследованиях рассматривается специфика метафорических представлений происходящих политических процессов. Одно из таких исследований, является работа Баранова [Баранов 2003], которые исследовал метафоры кризиса 1998 года, где было определена частотность

тех или иных метафор, используемых в СМИ.

4. Исследование метафор, отражающих ту или иную политическую позицию. В данных работах ученые рассматривают метафорические представления субъектов политической жизни на какие-либо события.

5. Исследования метафорических идиостилей, то есть специфики метафор, используемых отдельными политическими лидерами. В данных исследованиях, ставится цель выделить метафоры в речи политиков, а также выявить их прагматический потенциал. Примером такого исследования, является работы Т. С. Вершининой [Вершинина 2002], где были рассмотрены метафоры, характерные для идиостилей ведущих российских политиков.

6. Сопоставительное исследование политических метафор. «Сопоставительные исследования позволяют отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, общечеловеческое и свойственное лишь отдельным национальным политическим дискурсам» [Будаев, Чудинов, 2008, с.42].

Рассмотрев выше описанные подходы к исследованию концептуальных метафор, рассмотрим основные методики анализа метафорических моделей.

1.3. Моделирование как метод исследования метафоризации

В данном параграфе будут описаны основные методики исследования метафорических моделей с целью выделения и описания основного подхода к исследованию, а также интерпретации и представлению материала настоящего исследования.

Методике метафорического моделирования посвящено большое количество работ. Данная методика была наиболее детально разработана и сформулирована российскими лингвистами [Баранов 2004, Караулов 1994, Чудинов, 2003] на основе теории концептуальной метафоры описанной в работе [Лакофф, Джонсон 1980], а также теории регулярной многозначности [Апресян 1974, Багичева 2000, Балашова 1998, Стернин 1985 и др.].

Как пишет А.П. Чудинов «Метафорическая модель – это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y». Кроме того, «Метафорические модели должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне» [Чудинов, 2003, с.39].

Для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать ее следующие признаки: – исходную понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор, откуда-сферу, сигнификативную зону, источник метафорической экспансии, область источника), то есть понятийную область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц;

– новую понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-магнит, сферу-мишень, куда-сферу, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии, область цели), то есть понятийную область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц;

– относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют исходную концептуальную сферу, а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита;

– составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации;

– компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы, охватываемых данной моделью единиц, то есть выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих слов;

– дискурсивную характеристику модели (типичные для соответствующей

щих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, взглядами и интенциями субъектов коммуникации);

– продуктивность модели, то есть способность к развертыванию на основе актуализации новых фреймов, слотов, концептов (степень продуктивности модели увеличивается по мере использования все новых и новых лексических единиц); частотность модели и при необходимости ее доминантность (если потенциал развертывания и частотность использования метафорической модели на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются).

Однако, перед началом просмотра методик и исследований стоит отметить, что понятие метафорической модели в зарубежной лингвистике используется крайне редко, вместо данного понятия используется аналогичное по смыслу понятие метафорической системы или концептуальной метафоры в широком смысле слова.

На основании анализа исследований концептуальной метафоры Э.В.Будаев [Будаев 2007] выделяет четыре основные методики.

1. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

2. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии.

3. Методика исследования метафор в дискурсе адресанта.

4. Методика моделирования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор.

1. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

Данная методика позволяет исследовать метафору с целью выявления типичных прагматических смыслов конкретной сферы источника, а также использование данной методики при сопоставлении двух или более языков, выявить общую модель по сфере-источника, тем самым описывать общие ха-

рактики, исследуемых метафорических моделей в разных национальных дискурсах.

Примеры таких исследований основанных на сопоставление нескольких языков с применением данной методики можно обнаружить в работах следующих авторов, выделивших сфер-источников «Болезнь» [Телешева 2004], «Война» [Муране 2001; Шудегова 2002], «Дорога» [Musolff 2001], «Спорт» [Шехтман 2004а], «Мир животных» [Shelley 2003], «Дом» [Chilton, Pyin 1993; Chilton, Lakoff 1995; Musolff 2000], «Океанские воды» [Chung et al. 2003с], «Театр» [Чернякова 2004; Шехтман 2004б], «Механизм» [Каслова 2004], «Строительство» [Каслова 2004], «Человек» [Chung et al. 2003а], «Транспортное средство» [Chung et al. 2003b], «Медицина» [Муране 2002; Шмелева 2001] и др.

В своих публикациях А. Муссолф сопоставляет метафоры со сферой-источником «скорость» в британской и немецкой прессе, где описываются процессы происходящие в Европейском Союзе. Англичане и немцы используя потенциал сферы-источника используют различные взгляды для описания смыслов. Британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность “The Prime Minister last night (...) held out a vision of a multi-speed Europe in which all member states would proceed at a speed of their own choosing. (...) Mr Major, insisted: “I don’t happen to think it threatens Europe if member states are free to do some things in their own way and at their own speed”. В то время как немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность “zwei Geschwindigkeiten” einen Ausweg: Wer schleichen will, soll das tun, aber ohne die anderen, die voraneilen wollen, aufzuhalten [Musolff 2001].

В работках чешского лингвиста П. Друлака проанализированы метафоры европейских политиков, а также политиков чьи страны являются кандидатами на вступление в европейский союз, выделив сферу-источник «контейнер». Однако Друлак выяснил, что страны-члены ЕС описываются как единый контейнер, в то время как страны-кандидаты используют метафору — равновесие контейнеров [Drulak 2006].

2. Методика сопоставительного исследования концептуальных метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии

В данной методике, акцент исследования смещается на сферу-мишень. Использование данной методики позволяет определить метафоры, которые широко применяются для осмысления определенной сферы-мишени как в одном национальном дискурсе, так и в нескольких.

Так, например, в работе Р. Пэриса “Kosovo and Metaphor War” [Paris 2001], где основное внимание уделено событиям на Балканах, Пэрис проанализировал политические дебаты в конгрессе США, выделив следующие доминирующие группы метафор: “Вьетнам”, “Холокост”, “Мюнхен” и “балканская пороховая бочка”. Также Пэрис выделил два уровня метафорической войны. Первый уровень, который он выделил, основывался на спорах делегатов об уместности использования тех или иных исторических метафор, применительно к ситуации в Югославии, что же касается второго, то тут автор выделяет споры о трактовки значений самих исторических метафор.

Так финский исследователь М. Луома-ахо [Luoma-aho 2004] в своей статье “Arm” versus “pillar”: The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990–91 Intergovernmental Conference on Political Union, в которой он представил конфликт между атлантистами, видевшими в Западноевропейском Союзе опору атлантического альянса, и европеистами, которые рассматривали его как защищающую руку. Европеисты успешно парировали атаки архитектурной метафоры атлантистов с помощью органистических, представляя европейскую нацию как независимого политического субъекта от Североатлантического альянса.

В исследованиях А. П. Чудинова [2003] представлены метафорические модели используемые при описании балканской войны в российском политическом дискурсе, где представленные метафоры демонстрируют отношение к сербам как к жертвам, а к албанцам как к злодеям. В этот же момент в политическом дискурсе США албанцы — жертвы, а сербы — злодеи.

В своей работе Э.В. Будаев [2007] обращается к работам В. Кеннеди

[2000], который провел сопоставительный анализ американских и сербских метафор применительно к сфере-источнику «Война в Югославии» в которой описывается в Югославии пишет, что американские СМИ описывают президента Югославии Ю. С. Милошевича как злодея, сравнивают его с Адольфом Гитлером, которого необходимо оставить, путем бомбардировок со стороны НАТО, где героем выступает США. В то же время сербы сравнивают Североатлантический альянс с нацистами.

3. Методика исследования метафор в дискурсе субъекта политической деятельности

В отличие от двух выше описанных методик, методика исследования метафор в дискурсе субъекта политической деятельности не предполагает под собой выделение определенной сферы-источник или сферы-мишени. Исследователи в своих работах выбирают конкретного субъекта политической коммуникации, с целью выявления метафорической модели.

Если рассматривать концептуальные метафоры как некий инструмент способствующий изменению понятийной системы человека, влияющий на его поведение, навязывающий мнение других.

Ученые, использовавшие данную методику в своих исследованиях, предприняли попытку практически обосновать мнение того, что отдельные метафоры в речи политиков способны в полном объеме воздействовать на массовое сознание, что в свою очередь помогает политикам лоббировать своих политические интересы.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей книги “Метафоры, которыми мы живем” [2004] приводят пример метафоры войны, что в следствие породило появлению таких неотъемлемых составляющих войны, как врага, угроза национальной безопасности, выдвижение новой стратегии, сбор данных и др. «Метафора войны высвечивала одни реалии и скрывала другие. Метафора была не просто способом видения действительности; она узаконивала решение на изменение политического курса, а также на соответствующие политические и экономические действия» [Лакофф, Джонсон, 2004, с.186].

Стоит также процитировать голландского ученого Ф. Анкерсмита, который отмечает великий прагматический потенциал метафор, “metaphor has been remarkably effective in organizing knowledge in ways that that may serve our social and political purposes (and this also explains why the social and the political and, hence, the historical world is metaphor’s favorite domain). Metaphor arguably is the most powerful linguistic instrument we have at our disposal for transforming reality into a world that is adaptable to human aims and purpose” (Метафоры были достаточно эффективны в организации знания, что может распределить наши социальные и политические цели (также объясняет почему самые часто используемые области метафоризации это описание социальных, политических и исторических процессов). Метафоры бесспорно являются самым мощным лингвистическим инструментом , который мы имеем в нашем распоряжение для трансформации реальности в в сферу ...[Ankersmit, 1994, с.13].

Так статья Т. Н. Зубкиной [2014] посвящена исследованию метафорических-моделей в речи У. Черчиля, которые были использованы им при описании историко-политических событий.

В статье Т. Ропера [Roher 1994] представлены исследования посвященные прагматического потенциала метафор, используемых Дж. Бушем перед первой военной компании в Ираке в период с 1990-91 гг. На основе примеров автор выделяет метафорическую модель «ГОСУДАРСТВО — ЭТО ЧЕЛОВЕК». В то время как для необходимости развязывания конфликта Дж. Буш использовал метафоры, представлял Ирак как каннибала, преступника-насилльника.

В статье “Barack Obama’s Inaugural Address: Metaphor and Values as Captivating Strategies to Celebrate a Presidency” Эскудеро [MPG Escudero 2010] приводит примеры метафорических моделей используемых в речи американского президента Б. Обамы во время его инаугурации. В своей статья Эскудеро выделяю метафоры путешествия, где Америка и американский народ — это путешественники, которые двигаются для достижения конкретной це-

ли стоящей перед ними, антропоморфную метафору, где нация — это человек, который порой страдает от различных болезней, а также милитаризую метафору, где американцы сравниваются с борцами и защитниками против таких врагов как: терроризм, социальное зло, преступность.

Особый интерес к таким исследованиям вызывает изучения прагматического потенциала метафор, приводящий к переконцептуализации политической картины мира. Одним из таких исследований является работа [Heradstveit, Bonham 2003] “What the Axis of Evil Metaphor Did to Iran”, в которой особое внимание уделено метафорам Дж. У. Буша во время его обращения к нации в 2002, где с помощью метафор людям навязывается новый взгляд на такие страны как Иран, Ирак и Северную Корею в виде стран, чей строй обладал чертами фашизма, нацизма, а их вооруженные силы представлялись в виде дьявольских сил. По мнению авторов, использование таких метафор помогло в дальнейшем сплотить общество в этих странах, а также вызвало усиление консервативных взглядов, что сыграло против самих американцев.

При сопоставление двух или более языковых картин такая методика позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности, в речи политиков с целью манипуляции общественным сознанием.

4. Методика моделирования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор

Как мы видим из названия, данная методика позволяет смоделировать базовые когнитивные структуры, которые имеют место быть в представлении основных категорий, присущих политики.

Э. В. Будаев проанализировал различные исследования в рамках данной методики, согласно которой при анализе метафор можно выделить дискурсивно-специфические **культурные стереотипы**. Так, например, в работе Й. Цинкена [Zinken 2002], в которой при анализе метафор было выделено три стереотипа при концептуализации Европы (Европа институциональная, Ев-

ропа культурная, Европа географическая) в представлениях русских и немцев. Так стереотип о культурной Европе в сознание и тех и других совпадает, однако Европа институциональная в сознание немецкого общества, которые воспринимают Европу как срой площадку, в сознание российского человека такая трактовка покажется странной. Российский стереотип – «Европа – это дом и чужая собственность» (географический подход). Этим можно объяснить отражающиеся в метафорах российского дискурса попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет (географически Европа заканчивается на Урале) [Zinken, 2002, с.192].

В этой же работе Й. Цинкен выделяет образ-схемы на основе анализа метафор присутствующих в немецком и польском газетном дискурсе в период интеграции Польши в ЕС. Например, представление Польши как некий не подвижный объект, в то время как ЕС постоянно движущаяся субстанция.

В нашем исследовании используется методика сопоставительного исследования метафорических моделей, объединяемые сферой источником метафорической экспансии, в британском, американском и российском массмедийном дискурсе.

Выводы по первой главе

Представленный в данной главе анализ позволяет сделать следующие выводы, важные для исследования концептуальной метафоры в рамках когнитивно-дискурсивного подхода.

1. Когнитивная лингвистика выходит за пределы понимания языка как средства коммуникации. Когнитивная лингвистика концентрируется прежде всего на тесной связи языка и мышления. В рамках данного направления метафора рассматривается как способ познания, категоризации, концептуализации и оценки мира, что создает целостную картину мира.

2. В основе метафоризации окружающего мира лежит социальный и личный опыт человека, среда, которая его окружает, а также его деятель-

ность в процессе бытия, тем самым создает антропоцентричный порядок вещей, на котором и базируются процессы метафоризации.

3. Дискурсивный подход к анализу метафор позволяет определить роль экстралингвистических факторов, используемых при метафорической концептуализации действительности.

4. Для описания метафорической модели необходимо обозначить следующие ее составляющие: исходная понятийная область, новая понятийная область, типовые для данной модели сценарии, фреймы, и составляющие данный фреймы типовые слоты, компоненты, связывающие первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц.

5. Выделены основные методики исследования политической метафоры:

1) методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии;

2) методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии;

3) методика исследования метафор в дискурсе адресанта;

4) методика моделирования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор.

Глава 2. Метафорические модели в СМИ России, США и Великобритании

В данной главе, в соответствии с выбранной методикой исследования политической метафоры будет проведен сопоставительный анализ метафор, используемых для актуализации сирийского конфликта в российских, американских и британских СМИ. Метафорические модели подразделяются на модели, отличающиеся друг от друга по сфере-источнику метафорической экспансии. В случае высокой частотности и продуктивности метафоры, происходит выделение фреймо-слотовой структуры метафорической модели.

2.1. Метафорическая модель со сферой-мишенью

«Экономические санкции»

Разразившийся в 2014 г. украинский кризис и военная поддержка Асада в 2016 были восприняты мировым сообществом как следствие активного навязывание своих политических целей всему мировому сообществу. В результате чего, страна оказалась в кольце санкций, которые затронули многие секторы ее экономики. С одной стороны, существует мнение, что подобная международная политика привела Россию к полной изоляции и разрушила ее экономику. Однако параллельно с этой крайне негативной точкой зрения многие граждане РФ рассматривают экономические санкции как некий механизм, способный привести к диверсификации и росту экономики страны за счет активизации внутреннего производителя.

Формированию таких крайне полярных точек зрения непосредственно способствовали СМИ, использующие во многих своих статьях и репортажах концептуальные метафоры. Как отмечают исследователи политического дискурса, те или иные метафоры могут быть востребованы языковым сообществом в большей или меньшей степени, что продиктовано различными

культурными факторами, чаще всего социальными и политико-экономическими потрясениями [Landtsheer 1991]. В связи с этим актуальным представляется сопоставительный анализ метафор в российских, британских и американских СМИ и выявление корреляций когнитивно-дискурсивных характеристик метафор со сферой-мишенью «экономические санкции».

Материалом для данного исследования послужили тексты как печатных, так и электронных британских, американских и российских СМИ (WSJ, «The Business Insider», «the Telegraph», «Bloomberg», «Reuters», «the New York Times», «the Washington Post»; «the Observer», «the Guardian», «the Daily Mail the Independent»; РБК, «Правда.ру», РИА, ТАСС, «Аргументы и факты», «Новая газета»). В данной работе мы опираемся на достижения сопоставительной метафорологии (Е. С. Белов, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, А. А. Каслова, Е. Е. Коптякова, Т. В. Моисеева, Т. В. Таратынова, И. В. Телешева, Т. А. Шабанова, Н. Г. Шехтман и др.), позволившей с начала 2000-х гг. накопить и систематизировать обширный материал, дающий представление о функционировании концептуальных метафор в разных подтипах политического дискурса России, США, Германии, Великобритании, стран СНГ и др. В данной работе мы проводим предварительный лингвокультурологический анализ концептуальных метафор, помогающих осмыслить новый поворот в отношениях между Россией и западными странами.

Анализ языковых единиц, используемых в СМИ для обозначения санкций, позволил выделить концептуальные метафоры со следующими сферами-источниками: «ВОЙНА», «ОРГАНИЗМ», «МИР ЖИВОТНЫХ», «БОЛЕЗНЬ», «КЛИМАТ», «КРИМИНАЛ».

Как показал анализ отобранных примеров, сфера-источник «ВОЙНА» относится к наиболее продуктивным понятийным областям, используемым для обсуждения санкций. Милитарные метафоры, как известно, свидетельствуют об активизации темных сторон человеческой природы: агрессивности, конфликтности, стремлении настаивать на своем любой ценой. Подтвержде-

нием этому служат рассмотренные нами контексты, рисующие картину полномасштабной войны, «войны санкций».

*Ср.: The list provoked a **backlash** from Ukraine's Western allies as it included several European journalists. — Список спровоцировал ответный удар со стороны западных союзников Украины, поскольку содержал несколько имен европейских журналистов [Prentice 2015]; Putin's economic **confrontation** with West will destroy his regime. — Экономическая конфронтация Путина с Западом разрушит его режим [Goble 2015].*

В англоязычных СМИ данная сфера-источник весьма подробно структурирована и представлена следующими языковыми единицами: Russia has been hit by sanctions (по России ударили санкциями), a full-blown trade war (полноценная торговая война), a weapon of economic warfare (орудие экономической войны), a painful weapon (орудие, причиняющее боль), the two camps differed (два лагеря разошлись во мнениях), Western allies (западные союзники), battlefields (поля битв), counter-attacks (контратаки), damage (урон), to be the casualty of a sweeping plan (стать жертвой опустошительного плана), Russia is battling against a collapse (Россия борется с коллапсом), the financial and energy sectors are targeted aggressively (финансовые и энергетические секторы подвергаются ударам) и т. д. Большая часть этих метафор подчеркивает невыгодное положение России. Следует отметить, однако, что с начала существования «железного занавеса» военная метафора являлась традиционным и наиболее наглядным способом моделирования взаимоотношений двух сторон, отражающим архетипическое противостояние разных мировоззрений.

Существенной особенностью военных метафор санкционного дискурса является характер военных действий: западные страны нападают, а Россия ведет оборонительную войну, пытается оградить себя и мобилизовать собственные силы. В российских СМИ это выражается в следующих метафорах: санкции против России нанесли ощутимый удар по ее экономике, санкционные перепалки, санкционная блокада, санкционная война, нефтегазовый

сектор оказался основной мишенью, контрсанкции, разрушительные меры, симметричные заградительные меры, в кольце врагов, главное оружие против РФ; Запад может позволить себе проявить твердость. Ср.: Европейская и американская экономики вполне в состоянии без особых потерь перенести тяготы этой войны. В том числе — при любых ответных ходах Кремля [Запольскис 2015].

При этом стоит отметить, что западные политики и СМИ, оперируя агрессивными метафорами, не забывают обвинять Россию в воинственном поведении. Наиболее известным высказыванием в данном отношении стала фраза генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга «бряцанье ядерным оружием» («nuclear sabre-rattling») в отношении В. Путина и Д. Медведева.

Второй группой метафор, отражающих проблемные отношения между Россией, ЕС и США, стали морбиальные метафоры. Цель их употребления состоит в том, чтобы показать американским и европейским читателям, что санкции действенны и производят губительный эффект на российскую экономику. Поэтому англоязычные метафоры приписывают России боли, страдания и увечья от санкций.

*Ср.: Russians are wavering between despondency and defiance in the face of **crippling** U.S. sanctions. — Жители России мечутся между отчаянием и упрямством перед лицом калечащих их экономику американских санкций [Eremenko 2015]; Russia is **suffering** an economic crisis under the weight of plunging oil prices and sanctions from Western countries. — Россия страдает от экономического кризиса под давлением падающих цен на нефть и западных санкций [Harrold 2015].*

Российские СМИ используют морбиальные метафоры других фреймов, связанных не столько с описанием симптомов и болезней, сколько с поисками лечения. С одной стороны, указывается, что без бывшего сотрудничества с Западом поправить дела не удастся. Ср.: Горькая пилюля; Россия себя не вылечит [Михайлов 2015]. С другой стороны, предпринимаются попытки увидеть положительные стороны сложившегося положения: «Если бы этих

санкций не наступило, то нужно было бы обязательно их выдумать. Потому что, к сожалению, без «шоковой терапии» мы иногда не умеем работать так, как нам необходимо. Думаю, что санкции многих научат работать и пользоваться теми богатствами, которые предоставляет наша страна», — Патриарх Кирилл [Чинкова 2015]. Таким образом, метафоры данной группы демонстрируют отличия взглядов на последствия санкций в СМИ США, Великобритании и России.

Следующей по степени частотности в санкционном дискурсе является сфера-источник «ОРГАНИЗМ» с фреймом «Действие». Использование такой сферы-источника позволяет представить, что санкции — это организм, который способен к осуществлению неких действий. В данном случае это удар одной из частей тела, причиняющий вред и боль. Например:

*U.S. sanctions over Ukraine **hit** two Russian banks hardest. — Американские санкции из-за Украины ударили по двум российским банкам больше всего [Shishkin 2015]; Western sanctions are **hitting** Russia harder than people realized. — Западные санкции бьют Россию больше, чем думали люди (Business Insider. 03.08.15); Sanctions on SWIFT could **hit** Russia where it hurts most. — Санкции против СВИФТ могут ударить Россию в самое больное место [Ashton 2015].*

В российском дискурсе данные метафоры встречаются в следующих контекстах:

Антироссийские санкции больно бьют по благополучию Запада [Семет 2015]; Европа бьет по российским банкам [Адамчук 2014]; «Придуманные санкции», которые власти Латвии ввели против России, «бумерангом бьют» по экономике прибалтийской страны; Европейский Союз безусловно понимает, что санкции «бьют» не только по России, но и по самому Евросоюзу. И вся философия отказа от России как от партнера — это исключительно снижение европейской конкурентоспособности [Симонов 2015].

При сопоставлении данных метафор можно видеть, что российские и западные СМИ имеют разные представления о последствиях санкций и

контрсанкций. Если в западных СМИ, в преобладающем количестве примеров, видно, что России нанесен ощутимый удар с помощью санкций, то российские журналисты и политики, отчасти соглашаясь с такой формулировкой, утверждают, что экономика Запада получила более сильный удар в ответ.

Далее мы рассмотрим культурно-специфические концептуальные метафоры. Как отмечает Э. В. Будаев, различия в выборе метафор для концептуализации определенного события обусловлены дискурсивными свойствами метафор, а «метафорическое использование культурно-специфичных концептов — широко распространенное средство убеждения» [Будаев 2011: 126—127]. В англоязычных СМИ метафоры, призванные показать эффективность санкций, — это метафоры со сферой-источником «МИР ЖИВОТНЫХ», фрейм «Агрессивные действия», что характерно для представления сложившейся ситуации. Для животных клыки и когти — средства защиты и убийства, для их потенциальной жертвы — опасность и смерть. С помощью использования следующих метафор регулярно указывается на угрозу со стороны санкций: кусать (клыками), жалить, грызть. Например:

*Firms could **shut** Russia offices as sanctions bite. — Компании могут закрыть российские представительства, так как санкции кусаются [Fouzder 2015]; Because they will always try to **put him on a chain**, and as soon as they succeed in doing so they tear out his fangs and his claws [Zmeyev 2014]; „Мы полагаем, что санкции, совместно введенные Соединенными Штатами и Европейским союзом против России, больно **кусаются**. Думаю, вы видите, как упал рубль. Видите, сколько денег Москве пришлось истратить на то, чтобы его защитить. Вы видите, как растет инфляция», — заявила она (В. Нунд).*

Следует сказать, что российские СМИ в настоящее время используют метафору «кусаться» как результат калькирования с английского. Еще одна группа культурно-специфических метафор — это климатические метафоры. Они служат цели изображения негативных последствий от санкций в фи-

нансах, международной торговле и банковской сфере России. Например: put investment plans into the deep freeze (заморозить планы инвестиций), frozen assets (замороженные активы) и т. д.

Российские культурно-специфические метафоры принадлежат сферисточнику «КРИМИНАЛ». Криминальные метафоры, ставшие привычными для российских СМИ с начала 90-х гг., в санкционном дискурсе выполняют «защитную» функцию и направлены на дискредитацию стран Запада, поскольку они «душат» российский народ, «разбойничают» и т. д. Ср.: Цель злодейских США, согласно автору «Российской газеты», ясна. Всех ограбить, чтобы спасти свой внешний долг, и именно с этим связаны новые санкции в отношении таких людей, как он, Нарышкин [Мартынов 2015]; Между тем под санкции попали и некоторые сотрудники СМИ, чем крайне возмущен глава Союза журналистов Москвы Павел Гусев. Он назвал это «политическим и государственным беспределом» [Ивашкина 2015]. Как видно из примеров, нередко криминальные метафоры исходят из уст первых лиц страны.

В данном параграфе мы рассмотрели далеко не все обнаруженные метафоры, но даже этот обзор позволяет сделать вывод, что метафоры санкционного дискурса совершенно не способствуют поиску каких-либо решений, а наоборот, подчеркивают имеющийся конфликт и свидетельствуют о преобладании в сознании авторов метафор «конфронтационного» сценария решения проблем. Чтобы смягчить негативное воздействие таких метафор на российского читателя и пере- направить поток агрессии, российские политики и журналисты часто пользуются приемом смены сферы-мишени с точностью до наоборот. В действительности санкционный дискурс показал, что мировые процессы до сих пор рассматриваются многими с точки зрения противостояния России и Запада, продиктованного взаимным страхом и недоверием. Более того, многие эксперты рассматривают введение экономических санкций в отношении России как начало новой холодной войны, где санкции является оружием, способными привести к уничтожению российской эконо-

мики, о чем красноречиво свидетельствуют американские и британские концептуальные метафоры.

2.2. Метафорическая модель со сферой-источником

«Человеческий организм»

Концептуальная метафора, описывающая сферу-мишень в понятиях организма, широко используется в течение уже длительного времени. Исследования человеческой культуры, относящиеся к периоду ранней письменности, свидетельствует о том, что данная метафора укоренилась в сознании человека достаточно давно.

Антропоморфная метафора постоянно привлекает внимание ученых [Апресян 1995; Колотнина 2001; Никитина 1999; Yu 2000; 2003; 2004 и др.], в том числе и исследователей политической коммуникации [Феденева 1997; Чудинов 2001; 2003; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1992; 2001a; 2003b; 2004; Lakoff, Johnson 1987; Rohrer 1995 и др.].

Учитывая антропоцентричность человеческого мышления, в процессе метафоризации окружающего мира доминирующая роль отводится антропоморфной метафоре, то есть сам человек становится источником безграничных метафорических пополнений. «Человек всегда стремится одухотворить все, что его окружает. Он не может представить, что природа мертва и бездушна... Человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира, черты и стремления, свойственные личности» [Балли, 1961, с.221]. Человек, создавая метафорическую картину мира, в большей степени акцентирует свое внимание на себе, пропуская окружающую его действительность через себя, тем самым трансформируя ее в части своего тела, физиологические потребности, свои болезни и др.

1. Физиологическая метафора

Физиологическая метафора позволяет человеку представить происходящие в Сирии боевую и политическую деятельность соотнося с самим собой. Продуктивность данной метафорической модели можно объяснить тем,

что данная метафорическая модель является одной из наиболее разработанных и структурированных в политическом дискурсе.

Сферой источником для метафорической экспансии чаще всего служат бытовые «наивные» знания о структуре человеческого тела, органах, функциях и физиологических действиях.

1. Фрейм «Тело (организм человека)»

Найденные примеры продемонстрировали, что данная метафора часто используется для описание зоны конфликта. СИРИЯ – ЭТО ОРГАНИЗМ/ТЕЛО, внутри которого все элементы находятся в сложном организованном единстве.

При этом, продолжает Ставридис, единого сирийского государства, в котором с 2011 года продолжается кризис, уже не существует, значительные части страны управляются отдельными группировками, и «собрать» Сирию в единый организм крайне сложно. «Пора подумать о разделении» (Д. Андреева/ РП 13.03.2016).

В британской и американской прессе, найденные примеры, также показали, что для актуализации смысла целостности используется метафора «body»:

*The Arab world is facing a number of difficult circumstances from its eastern point to its western point, and from its north to its south, which are threatening to tear apart its already **fragmented body** that is suffering from sectarianism and tribal divisions. We have already seen the possibility of this in Iraq, Syria. (O.A. Irshaid/ Middle East Monitor 26.05.2016).*

Примеры показывают, что Сирия находится в крайне тяжелом положении, так как она не представляет из себя единого организма, элементы (институты) которого взаимодействовали бы между собой. В следствии чего, государственность Сирии находится на грани краха.

2. Фрейм «Физиологические органы»

Человеческий организм может быть разграничен по его частям и органам, из которых он состоит. Каждый орган является неотъемлемой частью

любого организма, выполняющий ту или иную функции жизнедеятельности.

Например:

Слот 2.1 Лицо и его составляющие (органы перцепции)

Лицо является индивидуальной частью человеческого тела, с помощью целостного представления идентифицируется индивидуальная личность. Одной из основных особенностей лица, есть способность передавать человеческие эмоции. Кроме этого, на лице располагаются основные органы перцепции, отвечающие за познание окружающего мира.

В российских СМИ мы можем выделить следующие примеры:

*Россия же выводом войск дает американцам и их «друзьям» **сохранить лицо** - так же как и в 2013, когда Обама собирался бомбить Дамаск (А. Ирбулатова/ НьюИнформ 12.02.2016).* .

*Американцы – в задумчивости. Всерьез с ИГ бороться они вроде как не собирались. А теперь вроде как надо – иначе **потеря лица** полная. И некого винить: сами себя в этот пятый угол загнали (С. Додатко/ РИА 05.10.2015).*

Как показал анализ метафор, первый два примера с подобной метафорической моделью встречаются исключительно только в российских СМИ. Как уже писалось выше по выражению лица окружающие судят о характере человека и его нравственных ценностях. В данном случае метафора «потерять лицо» обозначает потерю человеческого достоинства, репутации в обществе. Своими действиями в Сирии, Россия продемонстрировала, за почти недолгие пол года, свой успех в разрешении сирийского конфликта, в отличие от США, воюющей там с 2011.

Приведем еще один пример, показывающий полярность взглядов между российскими и западными СМИ – отношение к оппозиции, воюющей против правительственных сил. Ср:

*Оппозиция показала свое **лицо** (6 марта боевики захватили колонну филиппинских миротворцев из Вооруженных сил ООН) (Эксперт 28.05.2016).*

Marouf played a key role in driving the Islamic State out of northwest Syria in January 2014, after which he was aggressively marketed in the Western press as

the new face of the Free Syrian Army (S. Heller/ The Daily Beast 05.04.2016). Маруф играет ключевую роль в продвижении исламского государства из северо-западной Сирии в январе 2014 года, после чего он был активно рекламируется в западной прессе как новое лицо Свободной сирийской армии (С. Хеллера / The Daily Beast 05.04.2016).

Если официальная позиция РФ заключается в сохранении официальной государственной власти и осторожного подхода к дефиниции термина оппозиция, то в Западных СМИ свободно афишируются лидеры организаций, которые являются союзниками Фронта ан-Нусра (отделение Аль-Каиды), и описывают их как героев, борцов за свободу от диктатуры официального Дамаска.

*The truce has brought Moscow and Washington **face to face** as they work together in an effort to preserve a rare success in a conflict that has killed about 300,000 people, spawned a worldwide refugee crisis and sustained the extremist group Islamic State (N. Malas/ The Wall Street Journal 01.04.2016). Мирный процесс заставил Москву и Вашингтон работать вместе лицом к лицу чтобы сохранить редкий успех в нормализации конфликта, который унес свыше 300,000 человеческих жертв, погрузил мир в кризис беженцев и придал сил Исламскому Государству.*

Перейдем к метафорам со сферой-источником «органы перцепции». Сравним примеры метафоры «нос» в российском и Западном дискурсах. Ср:

*Две авиабазы США в Сирии как возможность щелкнуть Турцию **по носу** (А. Перенджиев/ Бизнес ФМ 07.03.2016).*

*Пока НАТО два года подряд делает из России самого опасного врага, пока талантливые киношники снимают фильмы о нападении Москвы на несчастный Вильнюс, пока европарламентарии придумывают, какие бы ещё ввести санкции против нас, под собственным их **носом** созрел гнойник. Самый опасный из возможных. Разветвлённая террористическая сеть (А. Вассерман/ Рен ТВ 25.03.2016).*

Россия «утерла нос» США в Сирии (И. Логинов/ Свободные новости

11.02.2016).

*It is time we punched the Russians in the **nose** (J. Kasich/ The New York Times 11.03.2016). Самое время ударить России по носу.*

*Assad is thumbing his **nose** at peace in Syria (F. Hof/ Newsweek 04.04.2016). Ассад высунул свой нос в результате перемирия в Сирии.*

*Look, we have no business **stickin' our nose** in that civil war. And there are a lotta politicians including Hillary Clinton on the left and including quite a few of the Republicans running for President on the right who want us to get in the middle of that civil war (T. Cruz/ Real Clear Politics 19.10.2015). Смотрите, нам нет никакого дела сувать наш нос в эту гражданскую войну. Есть много политиков, включая Хиллари Клинтон и нескольких республиканцев, участвующих в президентской гонке, которые хотят, чтобы мы увязли в этой гражданской войне.*

Анализ показывает информационную конфронтацию в российских и американских СМИ. Отечественные СМИ очень часто сравнивают США с «выскачкой», «мировым лидером», «жандармом», однако, по мнению авторов статей, Россия своими действиями в Сирии принизила роль США на глобальной арене, показав это с помощью метафоры «утереть нос». В свою очередь, американские СМИ пишут, что пора проучить Россию за ее самовольные действия в Сирии.

Кандидат в президенты США Тедд Круз, пишет, что пора перестать вмешиваться в дела Сирии, и заняться внутригосударственными проблемами.

Рассмотрим еще один концепт «глаза». Прототипичекой функцией данной концепта является способность видеть, наблюдать за происходящими вокруг событиями.

Рассмотрим несколько примеров, найденных в российской прессе. В первом случае журналист использует оксюморон, с целью показать, что Турция, как сторона сирийского конфликта, свободно закупает природные ресурсы у террористов и беспрепятственно пополняет их ряды новыми людьми. Во втором, один из участников сирийского конфликта потерял доверие

со стороны Вашингтона, из-за сотрудничества с Российской Федерацией.
Ср.:

Турция активно взаимодействует с запрещенной в России группировкой "Исламское государство" (ИГ). Она ежедневно в огромных количествах закупает у экстремистов нефть, "с широко закрытыми глазами" пропускает через свои границы всех желающих вступить в ряды ИГ, принимает на лечение раненных в боях (А. Погодина/ Утро 24.03.2016).

Как ожидается, она охватит только этнических арабов Сирии: сирийские курды, кроме того что показали себя эффективной силой в борьбе против "ИГ", уже дискредитировали себя в глазах Вашингтона готовностью работать с Россией. Если говорить прямо, курды тоже не верят заявлениям некоторых групп мятежников о том, что они "умеренная оппозиция", и успешно их уничтожают (Дни.ру 21.03.2016).

В британских и американских СМИ найденные метафоры («eye» - взгляд, наблюдение, слежка) не отличаются от тех, чтобы были найдены в российских СМИ. Участники сирийского конфликта (страны, организации) также наделяются способностью наблюдения за происходящими вокруг процессами. Например:

All eyes on US and Russia as Syria deadline passes (I. Black/ The Guardian 19.02.2016). Все взгляды направлены на США и Россию, так как дедлайн в Сирии пройден.

Doug Laux, describes spending a year in the Middle East meeting with Syrian rebels and intelligence officers from various partner countries. Laux, who spoke some Arabic, was the eyes and ears on the ground for the CIA's Syria task force, he says (К. Monahan/ NBC 02.04.2016). Дог Локс описал год проведённые на ближнем востоке, встречи с сирийскими повстанцами и с офицерами разведки из стран партнеров. Локс говорит, что некоторые арабские страны были глазами и ушами для спецоперации, проводимой ЦРУ в Сирии.

Слот 2.2 Сердце и система кровоснабжения

Сердце в понимании многих является «центральным» органом в орга-

низме человека, его прототипической функцией является обеспечение жизнедеятельности организма, снабжением его питательными элементами. Ср:

Сирия — это и сердце Ближнего Востока, и душа его (М. Маргелов/ Ислам Ньюз 12.06.2011).

*Башар Аль-Асад: Сирия навсегда останется **сердцем** арабского мира (Е. Громова/ Военное обозрение 13.02.2013).*

Сирийские граждане устроили погром в городе Ракке – сердце территорий, захваченных террористами запрещенной в России группировки "Исламское государство" (А. Ромоненкова/ Пинтер ТВ 06.02.2016).

The UK voted to bomb Syria on the 2nd December 2015, after David Cameron argued that Syria had become the 'heartland' of the Islamic State (or ISIS / Daesh) (C. Redfern/ The Marie Clair 07.12.2015). Британцы проголосовали за бомбардировку Сирии, после споров Дэвида Кэмерона, который заявил, что Сирия стала сердцем Исламского Государства (ИГИЛ/ ДАИШ).

*It was an attack on universal enfranchisement, an assault against broader religious tolerance; an iconoclastic campaign with a brazen irreverence towards culture with a capital C. In the billowing cloud of smoke at the **heart** of the Syrian desert, came an unhallowed defilement of that symbol (R. Lowry/ Time 07.04.2016).*

В данном случае как в российском, так и Западном политическом дискурсе метафора «heart» - сердце, используется для демонстрации важности метафоризируемых объектов.

Кровеносная система непосредственно связана с сердцем и выполняет функцию циркуляции крови в организме, так как функционирование любого организма требует доставки кислорода, питательных веществ ко всем органам тела. Ср:

*"При всей неправдоподобности такого сценария он имеет право на существование: Сирия **обескровлена**, Иран только начнет получать первые дивиденды от снятия санкций, обстановка в Ираке сегодня мало чем отличается от сирийской, разве что не освещается столь подробно, как в Сирии.*

*"Аль-Каида" тоже серьезно **истощена** и нуждается в передышке, получении помощи от «партии войны» (ТАСС 20.01.2014).*

*Самое главное — в ближайшее время **перебить кровеносную систему террористов** — нефтяную инфраструктуру. Не будет нефти, не будет и боеприпасов.*

Слот 2.3 Позвоночник, хребет

Прототипическая функция — объединение, поддержание функциональных возможностей организма.

*«Это борьба за свободу, правду, справедливость и будущее цивилизации. Эти трагедии унесли тысячи жизней. Это горе, которое навсегда останется с нами. Потребовалось почти 10 лет, чтобы **переломить хребет** бандитам. Мы практически выдавили террористов из России. Но зло до сих пор дает о себе знать», — подчеркнул он. (Лента.ру 4.12.15)*

Только сирийские правительственные войска могут "на земле" "переломить хребет" международным террористическим организациям. Об этом заявил спецпредставитель президента России по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел России Михаил Богданов в интервью журналу (ТАСС 09.11.2015).

*Началась активная фаза операции, которая была тщательно подготовлена. Думаю, она займет от 3 до 6 месяцев, что может переломить ситуацию. **Перемолоть хребет** Исламскому государству (КП 30.09.2015).*

3. Фрейм «Части тела»

Кроме внутренних органов любой организм обладает и частями тела, которые обладают своими особенными функциями. Так, например, голова является очень важной частью тела, так как в ней находится головной мозг, отвечающей за работу и жизнедеятельность всего организма. Поэтому жизнь человека напрямую зависит от нее. Для начала рассмотрим метафорические модели в российском дискурсе:

Слот 3.1. Голова

*Трамп **отрубит голову** ИГИЛ и отберет у террористов нефть, - аги-*

тационный ролик американского кандидата (Российский диалог 4.01.2016).

"План Б" в Сирии: Россия остудит горячие головы.

Те же самые метафоры мы можем встретить в британском и американском политическом дискурсе.

ISIS beheading plot — jihadis send letters to EU civilians ordering them to convert or die (N. Gutteridge/ The Express 18.12.2015). Сценарий обезглавливания головы ИГИЛ – джихадисты отправляют письма, в которых они приказывают им присоединиться или умереть.

Слот 3.2. Спина

Спина очень часто представляется местом, за которым очень удобно находится и прятаться. Интересным представляется сопоставление российского и американско-британского политического дискурса с подобной метафорической моделью.

Ведь населению внушили, передергивая историю, что это Америка на самом-то деле стоит за спиной ИГИЛ (Эхо Москвы)

«И пока это неизвестно, премьеру Майкла Фэллона в ряду остальных лондонских «борцов» за гуманизм и дело мира из-за спины «Джебхат ан-Нусры» и ИГИЛ следует считать провальной» (И. Конашенков/ Взгляд 18.02.2016).

Russia may be leaving Syria but Putin will have Assad's back for a long, long time (J. Carafano/ Fox News 14.03.2016).

Из приведенных выше метафор, мы видим как кардинально меняется сфера-мишень метафорической экспансии. Если в российском политическом дискурсе акценты смещены на США и британских правозащитников, то в британском и американском на Россию и Путина.

Слот 3.3. Ноги

Ноги является органом опоры и передвижением человека. Если субъект политической деятельности сбит с ног, это значит, что он лишен поддержки и опоры, а также не способен четко следовать к намеченной цели.

Перемирие в Сирии выбило почву из-под ног Эрдогана (Е. Сатанвкский/

Вести ФМ 24.02.2016).

*Иными словами, Россия совсем не против того, чтобы там произошло урегулирование, чтобы были сделаны какие-то поправки режима, который был раньше, чтобы страна снова **встала на ноги** и снова стала процветающей Сирией, какой она была когда-то. В этом смысле перемирие - конечно, вещь замечательная и нужная (Накануне 09.03.2016).*

*I think one of the worst jobs in the world is to be a State Department spokesman these days. The American foreign policymakers are **tripping over their own feet** in Syria (E. Margolis/ Russia Today 25.03.2016). Я полагаю, что одна из самых ужасных работ в мире быть прессекретарем госдепартамента в эти дни. Американские политики только и спотыкаются о свои собственные ноги по вопросам Сирии.*

*The High Negotiations Committee, an umbrella group representing several Syrian opposition parties at the talks, has accused the government of **dragging its feet** by rejecting discussions of Assad (R. Iyengar/ Time 22.03.2016). В высшем комитете по переговорам в Сирии, группа оппозиционер обвинили официальный Дамаск в затягивание переговоров, исходящий от президента Асада.*

*The high-tech antiaircraft system significantly alters the balance of power in Syria and gives Russia a major **foothold** in the Middle East (H. Naylor/ The Washington Post 15.03.2016). Современные системы ПВО существенно меняет баланс сил в Сирии и дает России серьезную опору на Ближнем Востоке.*

*Mr. Putin has achieved many of his main goals: bringing Russia back to center stage as a global power; preventing, on principle, regime change by outside powers, particularly Western ones; gaining a stronger **foothold** in Syria; picking off Russian jihadists on the Syrian battlefield; and strengthening Mr. Assad (A. Barnard/The New York Times 14.03.2016). Г-н Путин добился многих целей: вернул России место на центральной сцене в качестве мировой державы; предотвратил смену режима со стороны внешних сил; завоевывал более прочные позиции в Сирии; уничтожил российских джихадистов на сирийской арене боевых действий; и укреплению позиции Асада.*

*Speculation about Russia's announcement grew so intense, including among Syrian government loyalists on social media, that by Monday night, Mr. Assad's office issued a statement to dispel rumors that the president had been **caught flat-footed** (A. Barnard/The New York Times 14.03.2016). Спекуляции по поводу объявленном Россией выводе войск стали довольно интенсивными, особенно среди сирийских правительственных лоялистов, что правительство Асада в пятницу выступило с заявлением, чтобы развеять слухи о том, что президент был пойман врасплох.*

В данном случае различия в сфере-мишени наблюдаются в сопоставлении позиций восстановления Сирии, в российском политическом дискурсе данный вопрос освещается с более позитивной стороны, тогда как в американском дискурсе все наоборот. Также, только в российских СМИ освящается особая роль Турции в сирийском конфликте.

Слот 3.4. Мускулы, кулак

Политическим деятелям очень часто приходится применять силу, демонстрировать свои «политические мускулы и кулаки» для достижения своих целей. Также метафора «кулак» содержит в себе смысл объединения, концентрации силы. В российском, американско-британском политическом дискурсе были выделены следующие метафорические модели.

Хорошее лицо Обамы при плохой игре: зачем США бряцают «одряхлевшими мускулами» в Сирии и Ираке (В. Сокирко/ ТВ Звезда 23.01.2016).

Военная операция в Сирии похожа на «игру мускулами» (М. Горбачев/ Газета.ру 04.12.2015).

*Генштаб РФ: Капризы США мешают создать **единый кулак** против боевиков в Сирии (К. Тимошенская/ Федеральное Агентство Новостей 27.05.2016).*

*Игра с огнём — американцы пытаются собрать **кулак** для удара по Сирии (Е. Баранов/ Первый канал 08.09.2013)*

*Iran in Syria: flexing more, not less, **military muscle** (P. Bucala /Fox News*

07.04.2016).

*Russia does not have the **economic muscle** to sustain a long drawn presence but yet must be seen to be defending its interests (Daily Excelsior 07.04.2016). У России нет достаточных экономических мускул, чтобы выдержать затяжное присутствие, но все же их должны увидеть, чтобы Россия могла отстаивать свои интересы.*

*This impressive air-defense assemblage might have seemed a bit much given that the Syrian rebels and Islamic State jihadists didn't have a single plane, but the real point was **flexing muscles**, and the U.S. clearly took notice (T. Harshaw/ The Oregon Times 20.03.2016). Впечатляющее противовоздушное вооружение в Сирии показалось бы лишним, так как ни у повстанцев, ни у ИГИЛ нет самолетов, но оно скорее используется с целью, чтобы поиграть мускулам, на что США явно обратили внимание.*

*No solution can be reached with terror except by striking it with **an iron fist** (R. Sherlock/ The Telegraph 05.08.2013). Ни одно решение не может быть достигнуто с террором за исключением того, чтобы ударить по нему железным кулаком.*

*The Syrian government has so far resisted requests to hold democratic elections in a country which has been ruled with **an iron fist** by the al-Assad dynasty since 1971 (T. Mendelsohn/ The International Business Times 13.03.2016). Сирийское правительство до сих пор сопротивлялось просьбам о проведении демократических выборов в стране, которая управлялась железным кулаком династии аль-Асадов с 1971 года.*

4. Фрейм «Физиологические действия»

Живой организм в процессе жизнедеятельности выполняя различные действия. В данном фрейме мы выделили следующие слоты «питание, пищеварительные процессы», «дыхание», «рождение».

Слот 4.1 Питание, пищеварительные процессы

В сирийском конфликте обозначает освобождение, уничтожение чего-либо.

«Наш друг Америка хочет съесть Сирию — так дадим же ей это сделать».

СМИ: Турция не способна «переварить» созданные ее проблемы.

В первом случае, мы видим, что Сирия представляется как некое блюдо, приправленное различными политическими и не только политическими игроками, США же в роли человека готового съесть его.

Во втором, уже Турция в роли этого человека, однако уже завершившего свою трапезу, но испытывающего очевидный дискомфорт от съеденного. Известно, что Турция в открытую поддерживает террористические группировки, а также инцидент с российским Су-24 и последние события, которые можно назвать гражданской войной. Все это не так или иначе не может остаться в стороне и сойти Турции с рук, в связи с этим Турция уже начала испытывать серьезные трудности в ее экономике и на политической арене.

В британском и американском дискурсе можем выделить отличие при сравнении с российским. В российском политическом дискурсе используются метафорические модели со сферой-мишенью метафорической экспансии США/ТУРЦИЯ/ИГИЛ, то в британском и американском — ПУТИН/ИГИЛ/АСАД.

The IS advance threatened to swallow up the northern town, sparking alarm from leading international relief organizations (ABC News 29.05.16). Угроза поглощения целого город на севере Сирии отрядами ИГИЛ, вызвало тревогу всех международных гуманитарных организаций. ,

Putin Has Bitten Off More Than He Can Chew (A. Korewa/ Newsweek 02.10.2015). Путин откусил больше, чем то, что он может переживать.

Слот 4.2. Дыхание

Дыхание является одной из основных функций человеческого организма. С помощью дыхания человеческий организм насыщается кислородом, с помощью которого происходят многие химические реакции необходимые для жизни.

*Эксперт: Мы победим ИГИЛ, только если **перекроем ему кислород** на*

всех фронтах (В. Сотников/ Правда 06.03.2016),

Поэтому, когда речи заходит о политической фигуре, как в данном случае террористы ИГИЛ. Если против данной террористической группировки не только вести боевые действия, но и перекрыть потоки финансирования (продажа нефти, торговля культурными ценностями), то ИГИЛ, как и организм без кислорода не сможет долго существовать.

В британском и американском политическом дискурсе были найдены следующие примеры:

Syrian Rebels: Peace Process Is a 'Waste of Breath' (J. Dettmer/ Voice of America 17.05.2016). Сирийские повстанцы: Мирные процессы – это пустая трата времени.

The world breathed a sigh of relief when Syria's chemical weapons were destroyed last year. (D. MacKenzi/ New Scientist 15,09.2015). Мир вздохнул с облегчением, когда химическое оружие в Сирии было уничтожено в прошлом году.

Слот 4.3. Рождение

Рождение всегда обозначает, появление на свет чего-то нового. Так и в вопросы о дальнейшем будущем в Сирии после окончания гражданской войны интересует многих участников данного процесса. Анализирую СМИ, нами были обнаружены следующие концепты «возрождение», «рождение» в британских и американских СМИ «rebirth».

*Сейчас очевидно, что вернуться к отправной точке и сделать все так, как было до войны, невозможно. Уйдет ли Асад или останется, придет ли на его место алавит, шиит, суннит, христианин или курд. Границы будущих формирований обозначены войной — их хорошо можно увидеть на карте боевых действий. Тем более, что **возрождение** Сирии категорически не нужно никому из ее соседей (Д. Родионов/ Рен ТВ 19.02.2016).*

Напомним, ИГ образовано 15 октября 2006 года в Ираке путем слияния 11 радикальных исламистских группировок во главе с подразделением «Аль-Каиды» в Ираке. Организация получила название «Исламское государ-

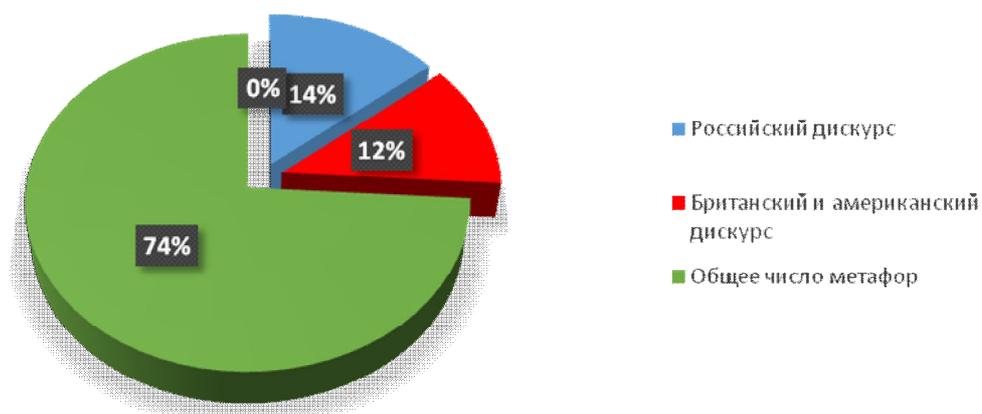
ство Ирак». Тогда же был принят проект «конституции», названный «Уведомление человечества о рождении Исламского государства» (Взгляд 18.03.2016).

Данной метафорой показывается появление новой организации, на тот момент казавшейся всего лишь гибридом нескольких других, не более, но с течением нескольких лет разросшийся и ставшей в разы опасней.

*By tradition, ISIS can credibly declare a **rebirth** of the Islamic Empire (J. Graham/ The Huffington Post 02.05.2016). Следуя традиции ИГИЛ может в дальнейшем объявить о возрождении Исламскую Империю.*

Подробное исследование сферы-источника «Человеческий организм» показал широкую востребованность антропоморфной метафорической модели при описании сирийского конфликта как в российском, так и в американском и британском политическом дискурсе.

Диаграмма 1. Частотность метафор со сферой-источником «Человеческий организм» в российском, американском и британском политическом дискурсе

Процентное соотношение антропоморфных метафор используемых при актуализации сирийского конфликта выражено следующим образом: в российских СМИ – 14%, британских и американских – 12% от общего числа метафор. Данные показатели свидетельствуют о частотности и востребованности использования данного типа метафор. Также, данная метафорическая модель является одной из наиболее детально структурированных и продук-

тивных во всех трех дискурсах, связано это прежде всего с тем, что антропоморфная метафора строится на сходстве человека и метафоризируемой области.

Анализ метафорических моделей также позволил нам определить сходства и различия сферы-мишени метафорической экспансии. Однозначно, отношение к Исламскому Государству в трех дискурсах совпадает, и, как правило, это отношение носит в себе отрицательное коннотативное значение. Различие в сфере-мишени метафорического употребления проявляется в отношении участников сирийского конфликта. В российских СМИ западные правозащитники и политики представляются в роли пособников террористов, которые прячут экстремистов за своими спинами. В западных СМИ «тиран» Асад стоит за спиной России. Кроме того, западные и российские журналисты обращаются к метафоре «утереть/шелкнуть по носу», которая в Западном дискурсе относится к сфере-мишени «РОССИЯ», в российском дискурсе «США/ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОАЛИЦИЯ». Также же подобные метафоры проявляются по отношению к официальной власти в Сирии, если в СМИ России официальный Дамаск считается единственной силой способной помочь Сирии «встать на ноги», то Западные СМИ, наоборот, считают президента Сирии Башара Асада основным источником проблем, который «волочит свои ноги» на переговорах и не позволяет международному сообществу решить, наконец, сирийский вопрос.

2.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Болезнь»

Проведенный анализ российских и американско-британских СМИ выделил еще одну модель СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ — ЭТО БОЛЕЗНЬ/БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ. Прагматический смысл данной метафорической модели заключается в представлении Сирийского конфликта как борьба с чужеродными телами, которые поразили этот организм, что раскрывается через сферу источник «Медицина», что в наивном сознании может трактов-

ваться как преодоление трудностей с помощью задействования определенных средств. В соответствие с данной моделью очень часто используется лексика, которая обозначает раны, болезни, медикаменты и др.

При исследовании текстов российских СМИ мы выделили следующие фреймы.

1. Фрейм «Диагноз»

Слот 1.1. Физические болезни

Анализ метафорических моделей в российском, британском и американском дискурсе помог определить сходство и различия, а также выделить следующие концепты: раковая опухоль, близорукость, cancer (рак), blindness (слепота).

Раковая опухоль сирийского мятежа перекинулась на Ирак Территория, захваченная ИГИЛ, расширяется, словно раковая опухоль. За последние две недели организация получила контроль над значительными пространствами к северу и западу от Багдада, а также над несколькими КПП на границе с Сирией и Иорданией. (А. Романов/ КМ 25.06.2014).

"Терроризм стал своего рода "пятым всадником апокалипсиса", который, как раковая опухоль, поражает все новые и новые участки нашей планеты" (М. Богданов /ТАСС 09.11.2015).

*"If the argument's put that this is to eliminate the **cancer** of ISIL, I suspect Parliament will support strikes in Syria against ISIL" (R. Ottaway/ BBC 11.09.2014). Если в основу будет положен аргумент, который должен избавиться от раковой опухоли ИГИ, я предполагаю, что парламент поддержит авиаудары в Сирии против ИГИЛ.*

Недооценка опасности боевиков «Исламского государства» является «преступной близорукостью» (С. Лавров/ Россия в глобальной политике 03.03.2016).

*Our **blindness** to them as human beings, and to all the ways we have influenced them, increases their power and undermines our power to shape the outcome of events in Iraq, Syria, and elsewhere in the Greater Middle East (I.*

Chernus/ The Nation 08.12.2015). Наше слепое отношение к ним как к людям, и все то, чем мы влияли на них, увеличило их мощь и подорвало нашу власть, в исходе этого стали события в Ираке, Сирии и в других странах Ближнего Востока.

Межрелигиозный совет России, где участвуют представители всех традиционных российских религий, выступил с совместной просьбой к журналистам и политикам не называть варварский псевдохалифат, **эту мутацию, раковую опухоль на теле планеты «Исламским государством»** (А. Коц/ КП 29.11.2015).

*From Raqqa To Paris: The **Chilling Mutation Of ISIS' Strategy**. Once focused solely on gaining Middle East territory for its caliphate, the terror group is now targeting "crusader nations," those fighting it in Syria and Iraq (L. Lema/ The Worldcrunch 15.11.2015).* От Ракки до Парижа: “Лихорадочная мутация стратегии ИГИЛ”. Сперва сконцентрировалась на захват территории Ближнего Востока и установления там халифата, террористические группировки нацелены теперь на “Крестоносцев”, воюющих в Сирии и Ираке.

При всем сходстве подхода к описанию сферы-мишени, существуют специфические различия, так например, в британском и американском политическом дискурсе были обнаружены концепты plague (чума), fever (лихорадка), mutation (мутация).

Secretary of State John Kerry on Thursday rejected the word "war" as a description for the U.S. fight against the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS), and he said people should not "get into war fever" over the conflict (J. Kerry/ CBS News 11.09.2014). Госсекретарь Джон Керри в четверг исключил слово "война" в качестве описания борьбы США против ИГИЛ, добавив, что люди не должны "заразиться военной лихорадки" в связи с конфликтом.

*"Terrorism knows no borders and is a **plague** on all of us. We must work hand in hand to dismantle terrorism. Dialogues like this one are a step in the right direction" (Ibrahim Abdel-Karim Allam/ The Express 23.03.2016).* Терроризм не знает границ – это чума для всех нас. Мы должны работать рука об руку,

чтобы ликвидировать его. Диалог, как этот, является шагом в правильном направлении.

*ISIS is like the **black plague** marching through Europe, killing at random (Tim Hains/ Real Clear Politics 24.03.2016). ИГИЛ как черная чума марширует по Европе, убивая в случайном порядке.*

В последнем примере мы можем видеть культурно-специфический тип метафорической модели «ИГИЛ – ЭТО ЧУМА». Данный тип метафоры характерен исключительно для западных СМИ. Автор статьи с помощью исторического прецедента сравнивает теракты, произошедшие в Европе со страшной пандемией, унесшей жизни около ста миллионов человек в период с 1346-53 гг.

Слот 1.2 Психические болезни

В американском и британском дискурсе распространены следующие концепты, используемые для метафоризации: nuts, mad, crazy (безумцы).

*'Russian Rambo' who sacrificed himself to kill **ISIS nuts** was about to become a dad (M. Havis/ The Daily Star 30.03.2016). “Русский Рэмбо”, который пожертвовал собой, чтобы уничтожить чокнутых боевиков ИГИЛ должен был стать отцом.*

*Holiday Brits flock to buy caravans to avoid **ISIS terror nuts** (J. Lowton/ The Daily Star 25.01.2016). Для отдыха британцы покупают передвижные дома на колесах, чтобы избежать чокнутых террористов.*

*“There is no doubt that if these **mad men** ever got their hands on a nuclear bomb or nuclear material, they would certainly use it to kill as many people as possible,” (B.Obama/ The Independent 02.04.2016). Нет сомнений, что если сумасшедшие люди когда-нибудь заполучат ядерное вооружение, они несомненно используют его, чтобы убить как можно больше людей.*

*Why do we pretend **ISIS is crazy**? When our leaders call ISIS inhuman fanatics, they're setting us up for a permanent war (I. Chernus/ The Nation 08.12.2015).*

*The huge blow to the **sick jihadis** come after the Islamic extremists took con-*

trol of the desert city last May (O. Smith/ The Expert/ 27.03.2016). Толпы больных джихадистов хлынули на территории пустыни взятые под контроль исламских экстремистов в прошлом мае.

The United Nations' sick honoring of Syria's butchers (NY Post 26.02.2016). Действие ООН – это безумное чествование Сирийских мясников.

Политики Франции – идиоты (Е.Я. Сатановский/ Вести 14.11.2015).

Безумный джихад: как профессиональные террористы вербуют психопатов (А. Громов/ Федеральное Агентство Новостей 13.05.2016).

Американский аналитик: Эрдоган ведет себя как сумасшедший (Дон ДеБар/ РИА 25.11.2015).

В российском, американском и британском политическом дискурсе сфера-мишень метафорической экспансии варьируется. Сфера-мишень ИГИЛ/ТЕРРОРИЗМ во всех трех дискурсах совпадает, однако в некоторых примерах сферой-мишенью выступает не терроризм, а политики, государства которых являются участниками конфликта. В российских СМИ – это лидеры международной антитеррористической коалиции, в западных – законное правительство Сирии.

Слот 1.3 Возбудители болезней

Любая болезнь может быть вызвана бактерией, вирусом или бациллой. Поэтому при лечении той или иной болезни очень часто нужно выявить ее причины. При описании сирийского конфликта в данном слоте используются следующие концепты: в российском дискурсе - бацилла, вирус, в британском и американском дискурсе – parasite (паразит), virus (вирус).

Исламизм подцепил бациллу безбожности (Г. Хизриева/ Правда 14.12.2015).

«Исламское государство» как эпидемия: Терроризм превращается в вирус (Р. Никифоров/ Мир 24 12.10.2014).

We are also at war with a radical ideology that functions like a parasitic mental virus.(B. Azarian/ The Huffington Post 13.01.2016). Мы находимся в вой-

не с радикальной идеологией, которая функционирует как паразитический ментальный вирус.

Исследование данного фрейма позволило сделать вывод, что причиной распада и упадка правительственной власти не только в Сирии, но и в ряде других государств является террористическая организация ИГИЛ, чем и объясняется прагматика приведенных выше метафорических моделей.

2. Фрейм «Симптомы болезней»

Как известно любое заболевание сопровождается различными симптомами, которые являются признаками нарушения процессов жизнедеятельности. Метафорически это проявляется с помощью таких концептов как *симптомы, боли, метастазы, бред, symptom*.

"Без урегулирования сирийского конфликта мы должны будем постоянно бороться с его симптомами в Европе. Мой тезис не изоляция, а больше вовлеченности и ответственности (О. Самтаров/ Вести 13.02.2016)

*In Syria, **treat the disease, not the symptom**. The current Syrian refugee crisis is "**symptomatic** of the Obama administration's broader attitude toward the Syrian conflict: bide our time and hope it goes away or can be contained" (J. Rubin/ The Washington Post 15.09.2015). В Сирии надо лечить болезнь, а не симптом. Сирийский кризис беженцев есть "симптом отношения администрации Обамы к сирийскому конфликту: выжидаем время, авось все пройдет.*

*С "умеренной оппозицией" в Сирии - всё хорошо: её нет, это **фантомные боли** (Е. Сатановский/ Вести ФМ 30.12.2015).*

*Заявления главкома НАТО об ответственности Москвы и Дамаска за кризис с беженцами — либо банальный пропагандистский прием, либо **симптом душевного расстройства** его автора (И. Серебряный 02.03.2016).*

*Потому что она уже расплзается. Уже в Африке есть проявления, эти споры, эти раковые опухоли дают **метастазы**. В Афганистане они там отвоевывают территории уже у тех, кто там сегодня хозяйничает. И они проявляют себя не только там. Есть ведь случаи, вспышки такие и в Евро-*

не, мы знаем это хорошо, и в других азиатских странах (Е. Сатановский /Вести ФМ 11.12.15).

Глава комитета Госдумы по международным делам Алексей Пушков намекнул, что антироссийские заявления генсека НАТО Йенса Столтенберга напоминают **бред** сумасшедшего (А. Пушков/ Взгляд 08.03.2015).

Данные смыслы призваны влиять на эмотивную сторону читателя, вызывать у него отторжение, неприязнь. Например, сравнение ИГИЛ с метастазами как вторичный очаг заболевания может оказаться хоть-где, тем самым погрузить еще одну страну в кризис.

Британский и американский политический дискурс оказался богат на количество морбиальных метафор с фреймом симптома болезни, так были выделены метафоры: convulse (конвульсия), weakness (слабость), bleeding (кровотечение), wound (рана), scars (шрам), shock(шок).

*One-third of all Syrian children were born in the five years that conflict has **convulsed** their country, the United Nations said on Monday in a report that suggests a new lost generation (R. Gladstone/ The New York Times 14.03.2016).* Одна треть сирийских детей были рождены, в период когда страна бьется в конвульсиях. В доклад ООН говорится о новом потерянном поколении.

*Refugees heading west and north **convulse** Europe (J. Henley/ The Guardian 10.09.2015).* Европа в конвульсиях из-за беженцев, идущих с запада и севера.

*Iran forged a Shia axis through Arab land, and vicious proxy wars between Sunni and Shia have **convulsed** the region (D.Gardener/ The Financial Times 01.04.2016).* Иран создал ось Шиитов на Арабской земле тем самым спровоцировал прокси-войну между Шиитами и Сунитами, что и вызвало судороги во всем регионе.

*Syria continues **to bleed** while the Middle East closes its doors (S. Akram/ The Open Democracy 23.03.2016).* Сирия продолжает истекать кровью, в то время когда Ближний Восток закрывает свои двери.

*It is time we came up with a plan to **staunch this haemorrhage** of humanity,*

*this flow of energy and talent that is bleeding Syria of any future economic strength; and that means trying to **heal the wound** itself* (B. Johnson/ *The Telegraph* 20.09.2015).

Letting Syria bleed: On Syria, Obama and Kerry follow Putin and Rouhani's lead (*The New York Daily* 22.09.2015). Пусть Сирия истекает кровью: Обама и Керри оставили решение по Сирии за Путиным и Рухани.

Syria conflict: Russia's scars from Afghanistan (BBC 31.10.2015). Сирийский конфликт: Шрам России из Афганистана.

В американско-британском политическом дискурсе сферы мишени «РОССИЯ», «ИРАН», «ИГИЛ» и «БЕЖЕНЦЫ» являются одинаково востребованными. В отличие от российского, где сферой-мишенью выступает «ТЕРРОРИЗМ» и «СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ» как основная симптоматика данной болезни.

3. Фрейм «Способы лечения»

Слот 4.1 Способы лечения

После того как определена та или иная болезнь, врач обязан назначить лечение, а также, чтобы не допустить осложнение у пациента или не дать ему умереть от вызванного заболевания. Врачи могут использовать различные медицинские средства и препараты.

Турции. Сейчас Эрдоган потерял влияние на Сирию почти полностью и должен будет проглотить эту горькую пилюлю. Ему придется поддерживать перемирие между сирийской оппозицией и правительственными силами.

*На прошлой неделе спецпосланник ООН по Сирии Стаффан де Мистура объявил, что хочет провести новый раунд Венского процесса «как можно скорее», но добавил, что в ближайшие две-три недели сделать это вряд ли удастся. Эксперты сомневаются, что переговоры **реанимируют** раньше шюлз* (Е. Медведев/ *Независимая Газета* 31.05.2016).

*Россия **вакцинирует** регион от пандемии «арабской весны»* (Г. Филимонов/ *Свободная Пресса* 12.02.2016).

*Today, if the statements made by the Western politicians and observers who want to bomb Syria are anything to go by, it's the pursuit of **therapy** by other means (B. O'Neal/ Spiked 28.08.2013). Сегодня, заявления сделанные Западными политиками, которые хотят бомбить Сирию являются терапией, но только другими средствами.*

*Russian Prime Minister Vladimir Putin trying to use his UN Security Council veto to **reanimate** Syrian President Bashar Al-Assad (J. Brooke/ Voice of America 02.02.2012). Российский премьер министр Владимир Путин попытался использовать право вето, чтобы реанимировать президента Асада.*

*"You cannot **cut out part of the cancer**. You have to **extract** it. This kind of operation is like cutting out part of the cancer. That will make it spread in the body faster," the Syrian leader said (B. Assad/ Reuters 06.12.2015). Вы не можете отрезать часть рака. Вы должны извлечь его. Иначе он начнет распространяться еще быстрее по организму.*

*Syria needs real vision, not **sticking plaster** solutions (M. Graydon, G. Greenall/ The Independent 20.03.2016). Сирия нуждается в настоящем видении, а решение подобное наклеиванию пластыря здесь не пойдёт..*

Слот 4.2 Процесс лечение пациента

Использование данных метафорических моделей связана с оценкой или прогнозированием того или иного политического события. В данном случае таким событием является освобождение Сирийского государства от терроризма.

*Президент сражающейся Сирии: Борьба с терроризмом — как **лечение рака** (Е. Громова/ Военный обозрение 19.01.2015).*

*Bombs and Band-Aids Won't Cure Terrorism. **To cure the disease** of Islamic terrorism, we need a multi-faceted approach. European governments need to listen. (W. Raofi/ The Huffington Post 28.03.2016). Бомбы и бинты не помогут вылечить от терроризма. Чтобы излечиться от такой болезни как ИГИЛ, нам нужен многосторонний подход. Европейское правительство должно слушать.*

*Secretary of State John Kerry may still believe he can persuade Iran and Russia that Assad is **pure poison for Syria** and pure gold for ISIS. (F. Hof/ Huffington Post 28.03.2016). (Госсекретарь США Джон Керри может все еще верить в то, что он убедит Иран и Россию в том, что Асад – это чистый яд для Сирии и золото для ИГИЛ.*

5. Фрейм «Состояние пациента»

Слот 5.1 Тяжелое состояние пациента

Данный тип метафоры привносит достаточно негативные смыслы, акцентирует свое внимание на вероятной гибели больного.

*Душегубы ИГИЛ в **агонии** устроили кровавые теракты в Сирии (Рен ТВ 05.05.2016).*

*The Russia-Iran Alliance is **Weaker** Than You Think (A. Heistein, V. Michlin-Shapir/ The National Interest 05.04.2016). Российско-Иранский союз слабее, чем вы думаете.*

*The aid convoys and their supplies offer only a respite in the slow-motion **agony** that is destroying Syria and its people (The New York Times 12.01.2016). Гуманитарные конвои только приносят небольшое замедление предсмертной агонии Сирии и ее людей.*

*British fighters will almost certainly be mandated to bomb Syria in a fulfillment that decision, the Opposition has degenerated into an orgy of in-fighting that would be unedifying at any time. Set against the backdrop of Syria's **agony**, the spectacle is both sickening and scandalous (M. Riddle/ The Telegraph 01.12.2015). Британским ВВС будет поручена операция по нанесению бомбовых ударов в Сирии. Оппозиция погрязнет в массовой войне между собой. Зрелище, на фоне агонии Сирии, вызывает только отвращение.*

*He described the insistence of President Obama and Secretary of State John Kerry that the wave of terror attacks hitting Europe somehow prove that ISIS is losing, essentially lashing out in their **death throes** as they are choked out on the battlefields of Syria and Iraq, as "incredible." (J. Hayward/ The Breitbart 03.04.2016). Он описал настойчивость Обамы и Керри в том что волны*

террористических атак в Европе как-то доказывают, что ИГИЛ терпит поражение, бросается в своих предсмертных муках, так как уже был изгнан с территорий Ирака и Сирии.

*That Agha and Dadar were able to sow such chaos from behind their laptops in a country in the **throes** of a civil war (K. Waddell/ The Atlantic 23.03.2016).* Ага и Дадар были способны посеять хаос находясь за своими ноутбуками, в стране, находящийся в муках гражданской войны.

“President Obama should step up and lay out the broad, overarching plan that’s needed to actually defeat and destroy ISIS,” Mr. Royce added. “This administration’s long pattern of paralysis and ineffectiveness in combating these radical Islamist terrorists is unacceptable” (G. Taylor/ The Washington Post 17.03.2016). «Президент Обама должен подготовить большой и всеобъемлющий план по победе над ИГИЛ,» добавил Ройс. «Паралич в администрации США неприемлем в борьбе против ИГИЛ».

Слот 5.2 Выздоровление или смерть больного

Данная метафора, в отличие от вышеописанной, обычно обладает исключительно положительной коннотации, что свидетельствует о том, что предпринятые политические шаги в урегулировании Сирийского конфликта так или иначе работает и приносят ожидаемый результат. Однако, стоит отметить тот факт, что при анализе американских и британских СМИ метафоры данного слота довольно редки, а те, что встречались имеют отрицательную коннотацию, что необычно.

*Modern Syria is dead. Russia’s intervention into **the bloody four-year conflict** cements that reality. Now U.S. policymakers must plan for what comes next. And it’s not pretty (L. Pintak/ The Seattle Times 17.10.2015).* Современная Сирия мертва. Российское вторжение в кровавый четырехлетний конфликт усугубили этот конфликт. Сейчас политики США должны выработать план дальнейших действий.

*In the Syrian nightmare, even small steps forward are notable. So this week’s move to send **relief** to five besieged areas around Damascus shouldn’t be*

dismissed (D. Ignatius/ The Washington Post 18.02.2016). В сирийском кошмаре, даже маленький шаг уже событие. Так эта неделя принесла облегчение пяти областям вокруг Дамаска, что не следует сбрасывать со счетов.

*The **revival** of the Syrian army, and even its reconquest of Palmyra, does not mean that the Assad regime can destroy Islamic State, let alone regain control of the whole country. Nor does Russia have any intention of helping Assad to pursue such an ambitious goal, as Moscow made clear by withdrawing most of the Russian combat aircraft from Syria two weeks ago (G. Dyer/ The Bangor Daily News 04.02.2016). Возрождение сирийской армии, и даже отвоевание Пальмиры, не означает, что режим Асада может уничтожить Исламского Государства, не говоря уже восстановить контроль над всей страной. Россия также не имеет подобного намерения помочь Асаду провести такую амбициозную операцию. Москва ясным путем дала понять это, когда вывела большую часть российских боевых самолетов из Сирии две недели назад*

*Or in Syria, where ISIS has installed a reign of terror, is gaining power and inspiring a maniacal dream of the **revival** of the caliphate? (P. Tsimas/ The Huffington Post 24.03.2016). В Сирии, где ИГИЛ установило правление террором, набирает силу и черпает вдохновения из маниакальной мечты в возрождении Халифата*

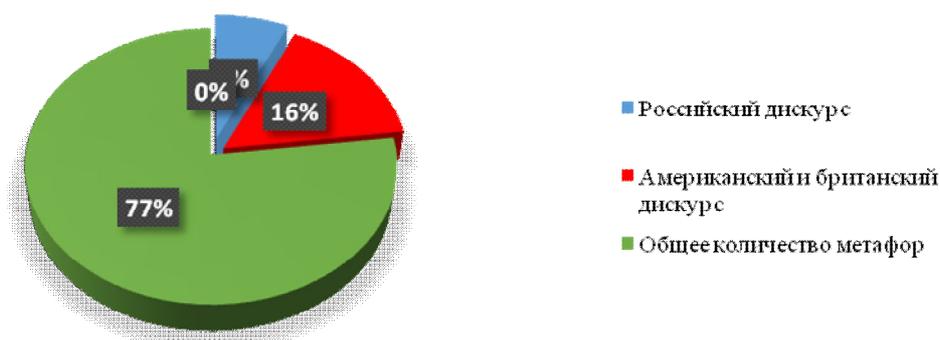
In addition, its involvement in Syria, limited though it was, has given Russia the opportunity to brandish its refitted military, demonstrating its recovery from post-Soviet decay (Stratfor 14.03.2016). В дополнение, участие России в сирийском конфликте дало возможность России продемонстрировать свои выведенные вооруженные силы после постсоветского упадка.

Представление Сирии в образе больного человека, показывает, что страна измотана от войны с терроризмом и испытывает значительные трудности в сохранение государственности.

Использование морбиальной метафоры с целью осмысления сирийского конфликта востребовано как в российском, так и американском и британском политическом дискурсе. Однако, анализ частотности проведенный в

рамках данного исследования показывает разницу. Если в российском политическом дискурсе использование морбиальной метафоры составляет 7%, то в американском и британском дискурсе 16%, что также может свидетельствовать об особенностях восприятия одной и той же действительности в разных обществах.

Диаграмма 2. Частотность метафор со сферой-источником «Болезнь» в российском, американском и британском политическом дискурсе.

При рассмотрении морбиальных метафор со сферой-мишенью «СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ» слот «ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ БОЛЬНОГО» в российском политическом дискурсе практически отсутствует: тогда как в британском и американском дискурсе данный слот вобрал в себя достаточное количество метафор. Данные метафорические модели, в большинстве случаях, наполнены отрицательными эмотивными смыслами. Связано это прежде всего с отношением стран Запада к правительству Сирии, в частности к президенту Башару Асаду, называющим «ядом» для сирийского государства и основным причиной «болезни» страны. В свою очередь российские СМИ в обвинениях к Западу используют метафору «близорукость, слепота», которая демонстрирует неспособность Западных политиков обнаружить самые очевидные вещи.

Разбор метафорической модели также позволил обнаружить сходства, например, и в том и другом дискурсе слот «Физические заболевания» в большинстве случаях проецируется на террористические группировки, воюющих в Сирии. Что подталкивает на вывод о том, что не смотря на общую по-

лярность в выборе сферы-мишени, некоторые фреймы и слоты, пусть и не часто, находят общие параллели во всех трех дискурсах.

2.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир животных»

Современные лингвистические исследования показывают, что зооморфная метафора как феномен человеческого мышления имеет давние истоки, но ее моделирующий потенциал до сих активно используется в политических дискурсах самых разных стран: Бразилии [Ramalho 2005], Венесуэлы [Hernández 2004], Германии [Zinken 2004], Италии [Di Sparti 1995], России [Вершинина 2002; Чудинов 2001], США [Lakoff 2004; Santa Ana 2002], Швеции [Candel 2005], Литвы [Sakalauskaite 2010] и других. Типичная сфера-мишень для зооморфной метафоры – политический оппонент, поэтому зооморфные метафоры в большинстве своем обладают пейоративными оценочными смыслами. Квантитативный анализ многотысячного корпуса зооморфных образов в китайском и немецком языках показал, что только 13 % китайских и 18 % немецких образов обладают позитивной оценкой, 21% китайских и 18% немецких зооморфизмов рассматриваются как оценочно нейтральные, в то время как негативную оценку приносят 66 % и 64 % образов соответственно [Hsieh 2004]. Большая часть зооморфных метафор, актуализированных в русском политическом дискурсе, также несет в себе негативные смыслы [Чудинов, 2001, с.135].

Анализ языковых единиц позволил выделить метафорическую модель СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ — ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ, состоящую из следующих фреймов: «Состав царства животных», «Действия животных», «Части тела животного», «Обращение с животными», «Место обитания животных». Рассмотрим подробнее эти фреймы.

Фрейм «Состав царства животных»

Субъекты политической деятельности представляются в виде животно-

го, обладающего определенными чертами и свойствами. Так в данном фрейме можно выделить следующие метафорические образы: *зверь, змея, киска, пес, крыса, таракан, медведь, тигр, лев, птица*. Ср.:

*Дело в том, что отходя и покидая свои позиции, террористы нередко убивают всех заложников, отравляют провиант, который не могут унести, сжигают дома. Такие прецеденты не везде, но есть. **Зверь, загнанный в угол, дерется ожесточеннее.** А когда речь идет о сектантах, имеет место жестокость нечеловеческого свойства, бессмысленная и беспощадная (Мария Безчастная / Свободная Пресса, 07.03.2016).*

*Нельзя закрывать глаза на то, что некоторые стремятся убивать и разрушать, и радикальный ислам поощряет и структурирует именно эти стремления. **Нужно понять, что это за зверь такой — исламизм, и прекратить уверять всех, и себя в первую очередь, что это не монстр, а просто такая большая киска, и если погладить у нее за ушком, она ляжет у ваших ног** (А. Гейфман / 9 канал, 01.03.2016).*

*Таким образом, все стороны конфликта в Магрибе в данный момент находятся на перепутье, а извне усиливаются попытки перетасовать всю колоду политических лидеров, террористических организаций и прочих участников процесса. **ИГИЛ в этом случае будет отводиться роль цепного пса, искусственно или напрямую бросаемого то на одну, то на другую линию фронта для усиления или ослабления позиций прочих игроков** (А. Топалов/ Взгляд 08.02.2016)*

*Боевики **ИГИЛ разбегаются как тараканы** (Звезда/ 4.12.2015).*

Типичные концепты сферы-мишени метафорической экспансии ТЕРРОРИСТЫ и РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ. Представленные образы несут негативные смыслы дегуманизации противника (*зверь, монстр, тараканы, цепной пес*). Из этого ряда могла бы выпасть метафора *киска*. Однако контекст показывает, что и в данном примере, казалось бы, мелиоративный образ используется для привнесения негативных смыслов.

Зооморфные метафоры данного фрейма обычно акцентируют жесто-

кость врага (*зверь, пес, монстр*). Что же касается метафоры *тараканы*, то она описывает поведение террористов во время бомбардировки российской авиацией, что призвано разрушить миф об их непобедимости.

Вместе с тем в данном фрейме присутствует немало примеров с мелиоративными смыслами (*лев, медведь. Кошка, птицы*). Ср.:

Конечно, стало понятно и очевидно, что готовится большая зачистка Сирии. И в этом случае появившийся там "русский медведь", то есть когда он запустил туда лапу, он как бы фактически восстановил статус-кво, то есть стало понятно, что никто никуда не пойдет, как в том старом добром анекдоте (С. Михеев/ Вести ФМ, 18.03.2016).

Путина в Сирии назвали «львом и защитником», сравнив со святыми. «Вы знаете, Владимир Путин — он пришел сюда как наш спаситель и защитник! Мы называем его Хейдар, Лев — это прозвище носил наш Имам Али», — говорят жители Зейнабии (Звезда/ 08.01.2016).

Наши в Сирии: снова «вежливая кошка» в темной комнате? Россия не подтверждает присутствия своих военных на родине Башара Асада, но возможность этого уже — часть большой политической игры (А. Байдакова / Новая Газета, 09.09.2015).

*И, казалось бы, эта новость касается лишь военных, но нет. Если посмотреть шире, то понятно, почему прилетевшие **железные птицы** произвели такой фурор, причем не только среди экспертов (Е. Лямин/ Первый канал 07.02.2016).*

Типичные концепты сферы-мишени метафорической экспансии, притягивающие положительные смыслы: РОССИЯ, РОССИЙСКАЯ АРМИЯ, ПУТИН. Образ медведя – типичная метафора для России, чего нельзя сказать о льве и кошке. Примечательно, что метафора льва переплелась с сирийским прецедентным феноменом (*Хейдар – Имам Али*), а образ «вежливой кошки» с прецедентной ситуацией, связанной с присоединением Крыма. Эти нетипичные зооморфные метафоры появились в российских СМИ в результате воздействия на политический дискурс экстралингвистических факторов.

В СМИ США также используются метафоры данного фрейма, но негативные зооморфные образы используются для описания не только террористов, но и России. Ср.:

*ISIL using lone **wolf** attackers in Europe as smoke screen for larger plots (T. Whitehead/ The Telegraph 29.03.2016). Использование ИГИЛ волков одиночек для атак в Европе — это дымовая завеса для более масштабных сценариев.*

*Why the U.S. needs to dance with the **Russian bear** in Syria? (The Los Angeles Times, 30.09.2015) Почему США вынуждены плясать с российским медведем в Сирии?*

Хотя к образу медведя обращаются и американские СМИ, их оценки в данном случае смещены с положительных на нейтральные или негативные. Метафора *bear* выполняет стандартную функцию негативных зооморфных метафор, заключающуюся в дегуманизации оппонентов, к которым помимо террористов приписывают и Россию.

2. Фрейм «Действия животных»

Для демонстрации отношения между основными сторонами сирийского конфликта достаточно часто используется зооморфная метафора, апеллирующая к повадкам животных. В данном фрейме наиболее распространены следующие концепты: *вставать на лапы, разрывать, грызть, тянуть щупальца, кусать*. Ср.:

И Турция видела в этой организации некий противовес ИГИЛ. ... опять русский медведь поднимается на задние лапы на Востоке (О. Артюк / Правда 21.10.2015).

Европу уже заполнили сотни, если не тысячи спящих, и иногда, как видим, просыпающихся агентов ИГИЛ. Буквально в пятницу президент Турции сделал заявление, которое сегодня вспоминают все европейские газеты: "Нет никакой причины, чтобы взорвавшаяся в Анкаре бомба не взорвалась в Брюсселе. Вы пригрели змею, которая в любой момент может вас укусить. Вы поймете нас, когда бомбы взорвутся в ваших городах, но это будет уже поздно" (А. Кондрашев / Вести, 22.03.2016).

«Явная наша удача в Сирии вызвала такую, может быть, уже предпоследнюю подножку западных союзников США по отношению к нам, – сказал газете ВЗГЛЯД вице-президент Академии геополитических проблем полковник ВВС Владимир Анохин, участвовавший в боевых действиях в Сирии в 1970-е. — Не знаю, что будет дальше, но во всяком случае, Запад начинает трезветь. Когда лидеры протрезвеют, они увидят, в какую мышеловку они попали, и будут грызть ее прутья» (Р. Крецул/ Взгляд 11.02.2016).

Как террористы ИГИЛ вознамерились откусить "турецкую руку" (А. Григорьев Рен Тв 17.01.2016).

На Ближнем Востоке разверзается громадная черная дыра. Из нее выползает мерзкая отвратительная медуза ИГИЛ (арабское название — ДАИШ, запрещена в РФ), тянет свои щупальца к русскому Северному Кавказу, к Крыму, к Средней Азии.

Большинство метафор характеризуются негативной оценкой и агрессивными прагматическими смыслами, что отражает конфронтационный характер описываемых реалий.

В американских СМИ, агрессивная борьба разных сторон сирийского конфликта представлена посредством метафор *to bite* (кусать), *to claw* (рвать), *to bristle* (ошестиниться), *to show teeth* (показывать зубы).

Putin has bitten off more than he can chew (A. Korewa / Newsweek 10.02.2015). Путин откусил больше, чем он сможет прожевать.

President Vladimir Putin has shown his teeth in Georgia in 2008, in Ukraine in 2014-15 and in Syria today. (W. Clarck/ The USA Today 11.02.2016). Президент Путин показал зубы в Грузии в 2008, на Украине в 2014-15 и в Сирии сегодня.

The advance is being hailed as highly symbolic for Syrian forces, which have relied heavily on Russia and Iran to claw back losses suffered over the past four years (M. Chulov/ The Guardian 24.03.2016). Наступление носит символическое характер для Сирийской армии, которые в большей степени полагались на Россию и Иран, которые помогали оторвать обратно потерянные

и страдающие на протяжении последних четырех лет территории.

В СМИ США в отличие от российских масс медиа типичным концептом сферы-мишени является ПУТИН. Зооморфизмы призваны дегуманизировать российского президента и дискредитировать его антитеррористические инициативы, описывая их как агрессивные «звероподобные» действия.

3. Фрейм «Обращение с животными»

Данный фрейм можно дополнительно структурировать, выделив слоты «Животные как объект агрессии», «Животные как объект эксплуатации», «Животные как объект ухода».

Слот 3.1. Животные как объект агрессии

Достаточно часто в политической речи зооморфная метафора отражает агрессию, возникающую между политическими конкурентами: *охота, травить, дразнить, будить*. Ср.:

«Сезон свободной охоты на ИГИЛ» открыт: как ВКС РФ сожгли 1000 бензовозов террористов (Д. Юров/ Звезда 24.11.2015).

Стратегия США — направить всех на всех (Е. Сатановский / Вести ФМ 30.12.2015).

И всё это к тому же ещё и с центром в Саудовской Аравии. Таким образом, мы видим, что борьбу с засильем крыс решили взять на себя главные разводчики крыс (Е. Сатановский / Вести ФМ 15.12.15).

Асад разбудил зверя и просит Россию дразнить его или мутная военная доктрина России, ведущая в ад (Д. Айвазян)

Типичный концепт сферы-мишени в данном слоте: ИГИЛ (как объект охоты) и РОССИЙСКАЯ АРМИЯ (как охотник).

В американских СМИ также используются потенциал данных метафор, особенно характерны метафоры *to hunt (охотиться), to tighten the noose (затянуть петлю)*.

Haunted by war, many Syrian kids have no psychological support (S. Jones/ The Huffington Post 22.12.2015). Охота войной, большинство сирийских детей не имеют психологической помощи.

*The fight to finally obliterate the depraved Islamic State (ISIS) terror group must now focus on tightening "the **noose** around the head of the snake in Syria (M. Fallon/ The Express 20.01.2016). Мы должны сосредоточиться на том, чтобы затянуть петлю вокруг головы змеи в Сирии, чтобы наконец победить ИГИЛ.*

В отличие от российских СМИ американские масс медиа рисуют метафорическую картину, в которой объектом охоты и агрессии становятся не только террористы, но и сирийские граждане, в том числе дети.

Слот 3.2. Животные как объект эксплуатации

В приведенных ниже примерах политические субъекты используют возможности для получения определенной выгоды, что описывается с помощью образов эксплуатации животных. Ср.:

США «быстро запрягли» свою авиацию, но так и не добрались до цели, громогласно объявленной Бараком Обамой в сентябре 2014 г., не просто ослабить ИГИЛ, но и полностью его ликвидировать (М. Муртазин/ Infox 21.10.2015).

Сирийский конфликт: США и Россия оказались в одной упряжке.

С помощью метафор данного слота в российской прессе актуализируются смыслы совместной борьбы с террором. Типичные концепты сферы-мишени: АРМИЯ США и АРМИЯ РОССИИ.

Американские СМИ используют метафоры данного слота для концептуализации терроризма, на который нужно надеть намордник (*to muzzle*), потока мигрантов и президента Б. Асада, которых необходимо обуздать (*to curb, to rein in*). Ср.:

*A new European Union-Turkey agreement comes into effect next week to **curb** the flow of migrants (M. Trezzini/ The Chicago Tribune 30.03.2016).*

*Did the invasion of Afghanistan **muzzle** terrorism? A decade and a half later, we are still at war in that poor benighted country, and the terrorism that we experienced on 9/11 has spread to Madrid, Paris, Beirut, Ankara, Cairo, Brussels, Damascus, Baghdad, and other cities. We sowed the wind in Somalia, Iraq, Libya,*

Yemen, and Syria (C. Hallinan/ People's World 30.03.2016). Вторжение в Афганистан обуздало терроризм? Спустя десять с половиной лет, мы все еще находимся в стране с этой бедной страной, и тот терроризм что, с которым мы встретились после терактов 9/11 и, который распространился на Мадрид, Париж, Бейрут, Анкару, Каир, Брюссель, Дамаск, Багдад и другие города. Мы распространили ветер терроризма в Сомали, Ирак, Ливия, Йемен и Сирия.

*Those attacks, along with this week's renewed violence, have raised pressure on Moscow to **rein in** its partner (N. Malas/ The Wall Street Journal 01.04.2016). Те атаки, наряду с возвратившейся жестокостью, надавила на Москву, чтобы та обуздали своих партнёров.*

Слот 3.3. Животные как объект ухода

Для достижения того или иного результата субъектам политической деятельности необходимо обеспечить условия для оптимальной жизнедеятельности «животных». Типичный концепт сферы-мишени в данном слоте ТЕРРОРИСТЫ, которых *прикармливают* страны Запада и Ближнего Востока. Ср.:

То есть, получается, что все субъекты этого процесса — Америка, Турция, Саудовская Аравия, Катар — каждый пытается немного своих террористов прикармливать, да, оставить (С. Корнеевский/ Вести ФМ 21.12.15).

Новые «Калибры» в помощь Асаду, Москва и Дамаск не признают Свободную сирийскую армию, Турция кормит террористов и ворует древности, Сирия будет сбивать самолеты НАТО (А. Кириллова/ Федеральное агентство новостей 12.12.2015).

В американских СМИ метафоры данного слота оказались не актуальны, что неудивительно, если учесть, что подобная картина мира крайне нелицеприятна для американского общества, независимо от того, соответствует ли информация о поддержке США и их союзниками террористов или нет.

4. Фрейм «Части тела животного»

Метафоры данного фрейма (*когти, клыки, зубы*) используются для описания военного потенциала как террористов, так и российской армии, с той лишь разницей, что российская армия эффективно использует *когти*, лишая животных террористов использовать «органы агрессии». Ср.:

Терроризм без денег — это зверь без зубов (А. Антонов/ *Russia Today* 02.12.2015).

Российские летчики продолжают "вырывать клыки и когти" у боевиков ИГ в Сирии. Подобраться к авиабазе Хмеймим не могут ни исламисты, ни американцы.

В ходе антитеррористической спецоперации в Арабской Республике России удалось задействовать все возможности своей дальней авиации и современных крылатых ракет, «показать новейшие когти "Медведя" (то есть стратегического бомбардировщика Ту-95, по кодификации НАТО он именуется Bear, что переводится на русский как «медведь» – прим. «Звезды»)» (ТВ Звезда 21.11.2015).

В американской прессе тоже используются подобные метафоры *teeth* (*зубы*), *claws* (*когти*), *clutches* (*лапы*). Ср.:

Turkey more than likely wouldn't want the troops to insert into the lower half of the country (the teeth of the Syrian defense) and a flanking maneuver doesn't make a lot of sense in this case (С. Martin/ *Wikileaks* 22.11.2011). *Турция вероятно не захочет отправлять на юг страны свои войска (в зубы сирийской обороны), а также фланговый маневр не принесет никакого смысла.*

The British lion's claws: With Syrian airstrikes looming, these are the weapons that will rain fire on ISIS (S. Webb/ *The Mirror* 02.12.2015). *(Британские когти льва: вместе с авиаударами по Сирии это оружие устроит огненный дождь для ИГИЛ.*

Особенность концептуализации сирийского конфликта в США заключается в том, что речь идет о *клыках* и *зубах* армий стран Запада, а также Сирийской оппозиции, что нехарактерно для российской прессы.

5. Фрейм «Место обитания животных»

Территория Сирии, используемая как правительственными войсками, так и террористами, может быть метафорически описана как место обитания животных. Как в российских (логово, гнездо), так и американских СМИ (lair, nest) используются подобные метафоры. Ср.:

Две сирийские женщины, используя скрытую камеру, тайно сняли жизнь в логове ДАИШ (арабское название запрещенной в РФ группировки "Исламское государство") в северном сирийском городе Ракка (М. Макарычев/ LifeNews 15.03.2016).

Полет над гнездом ИГИЛа (А. Коц / КП 04.10,2016).

Военное вмешательство России в сирийские события остановило крайне опасный не только для региона, но и для Европы, и для всего мира процесс разрастания змеиного гнезда «исламского халифата» — главной цели ИГИЛ (В. Баранец/ КП 31.10.2016)

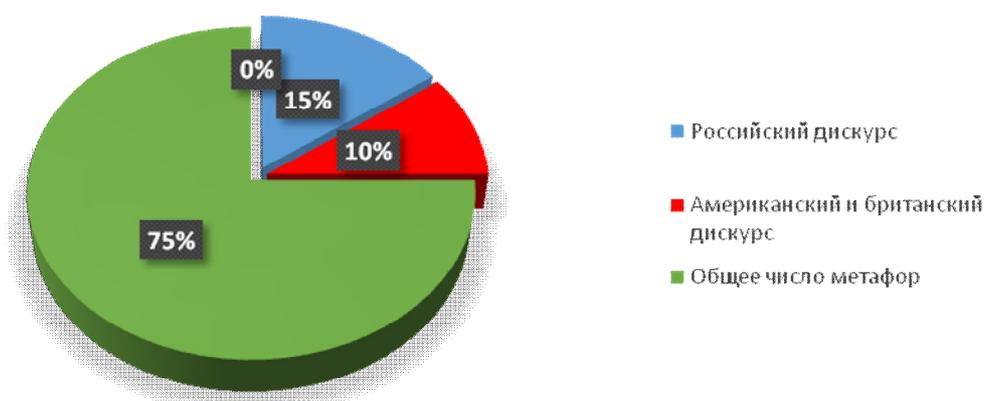
*The teahouse eventually was closed down after pressure from worried parents —but not because it had served as an **ISIS lair**, because it did not have a proper license (T. Seibert/ The Daily Beast 16.10.2015). Кафе было закрыто под давление обеспокоившихся родителей, но не потому что оно служило в качестве логова ИГИЛ, а потому что оно не имело необходимой лицензии.*

*A soldier dubbed the Russian Rambo was about to become a dad when he sacrificed himself destroying a **nest of ISIS** fighters (M. Havis/ Daily Star 30.03.2016). Солдат, которого окрестили русским Рэмбо, должен был стать отцом, когда он пожертвовал собой, чтобы уничтожить гнездо ИГИЛ.*

Данный фрейм является редким примером совпадения концептов сферы-мишени в российской и американской прессе. Типичный концепт сферы-мишени – МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ТЕРРОРИСТОВ.

Представленный материал свидетельствует о востребованности и структурированности зооморфной метафорической модели в СМИ России (15%), Великобритании и США (10%).

Диаграмма 3. Частотность метафор со сферой-источником «Мир Животных» в российском, американском и британском политическом дискурсе

Для зооморфной метафоры в контексте сирийского конфликта характерны концептуальные векторы жестокости и агрессии. При сопоставлении метафор в российских и американских СМИ, мы обнаруживается схожесть использованных образов при описании сирийского конфликта, однако при существенных параллелях наблюдаются значимые различия.

Так, представление президентов России и Сирии существенно разнятся в западных и российских СМИ, если в России Путин представляется львом, то в американских и британских — зверем оскалившимся на всех. Более того, интересен и тот факт, что слот «Животные как объект ухода» представлен только в российских СМИ. Это связано с тем, что на Западе молчат о спонсировании террористов со стороны Турции (и возможно других стран Запада и Ближнего Востока), которая преследует свои геополитические цели. Турция, в свою очередь, с 1952 года является страной-членом НАТО, миссией которой является борьба с терроризмом. В российских СМИ осуждается роль североатлантического альянса, вместе с его непонятными целями по борьбе с терроризмом и позицией по будущему Сирии.

Таким образом, при значительной схожести концептуального инвентаря образов в сфере-источнике, в кризисной коммуникации наблюдаются различия в подборе концептов сферы-мишени, притягивающих эти образы. Зоо-

морфные метафоры хорошо отражают различия в мотивации сторон конфликта, явно не высказываемые, но неизбежно проявляющиеся в политическом дискурсе. Постулируемая всеми борьба с терроризмом и надежда на формирование единого фронта против общего врага (подобно общему фронту союзников против фашизма) не находят подтверждения в метафорической коммуникации. Анализ зооморфных метафор и их роли в категоризации сторон сирийского конфликта свидетельствует о значительных расхождениях в видении ситуации и латентных интенциях, явно не эксплицируемых, но неизбежно проявляемых в информационном противостоянии с помощью метафорических моделей.

2.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Война»

В политическом дискурсе, в частности СМИ, военная метафора является одной из самых широко исследуемых. Первыми, кто начал использовать ее в рамках теории концептуальной метафоры были, Дж. Лакофф и М. Джонсон. Именно они наметили и продемонстрировали перспективы ее дальнейшего исследования в политической коммуникации, изучив метафорические следствия метафор войны Дж. Картера. В дальнейшем военная метафора стала объектом внимания многих исследователей [Баранов, Караулов 1991; 1994; Каслова 2003; Ряпосова 2002; Санцевич 2003; Феденева 1998; Чудинов 2001, 2003; Cibulskiene, 2002; Jansen, Sabo 1994; Kelly-Holmes, O'Regan 2004; Koller 2002; 2004; Wei 2001; Zinken 2004b и др.]. Исследования показали, что военная метафора представлена в политическом дискурсе многих стран, а сфера-источник «Война» относится к наиболее частотным исходным понятийным властям, используемых для метафорического моделирования мира политики.

Исследователи объясняют причины такой частой использования исходной понятийной области «Война» в агональном характере политической деятельности и [Шейгал 2004], в богатом военном опыте человечества [Чу-

динов 2001], в традиционном доминировании в политике мужчин и соответственно привлечении для ее концептуализации понятий из традиционных для мужчин сфер деятельности [Gidengil, Everitt 1999].

Более того, военная модель не является статичным компонентом в политическом дискурсе, а также как показывают исследования, военная метафора широко используется в период милитаризации сознания людей, а также в ситуации политических выборов [Каслова 2003; Cibulskiene 2002].

Также, важно учитывать тот факт, что военные метафоры не способствуют разрешению и поиску консенсуса, наоборот, конструируют то или иное явление в обществе как конфликт между двумя сторонами. Что может свидетельствовать о наличии агрессивного сценария в решении вопросов.

«Результаты, полученных из исследований, и методологических оснований когнитивно-дискурсивного подхода, для описания закономерностей функционирования военных метафор стоит учитывать два фактора: когнитивную ускоренность военных образов в национальном сознании и политическую ситуацию, дискурсивную специфику функционирования метафорической модели. Если при сопоставлении активности военных метафор для концептуализации определенной сферы-мишени в разных национальных дискурсах результаты расходятся, то это свидетельствует не столько о реальной милитаризации общества или его сознания, сколько о профилировании различных проблем (сегментов сферы-мишени), об особенностях метафорического восприятия одной и той же действительности в разных национальных сообществах» [Будаев, 2006, с.73].

В рамках данного исследования военная метафора не является частотной, так как подобная метафора может быть не прочитана адресатом из-за своего двойственного значения. В российском, британском и американском политическом дискурсе выделяется следующая фреймо-слотовая структура военной метафорической модели.

Рассматриваемая метафорическая модель представляет сирийскую действительность и ее итоги как некое оружие направленное против отдельного

ряда государств. Беженцы, террористы, стороны участвующие в Сирийском конфликте. Так или иначе сталкиваются в противостоянии друг с другом на страницах СМИ. При детальном рассмотрении данной метафорической модели можно выделить следующие фреймы.

1. Фрейм «Война и ее разновидности»

Слоты, входящие в данный фрейм, описывают виды ведущихся войн на фоне сирийского конфликта: информационная война, холодная война, реванш. Например:

*Как отмечает корреспондент НТВ Сергей Морозов **перемены на фронте информационной войны** значительные и очевидные (НТВ/17.03.2016).*

Почему именно сейчас было принято это решение, почему абсолютно никто в мире не смог предугадать российский маневр, и как он повлияет на ход и горячей сирийской войны, и холодного мирового противостояния (НТВ/19.03.2016).

***Информационная война**, в которой Запад пытался представить действия Воздушно-космических сил России в Сирии как "новый Афганистан", была провалена. Об этом заявила официальный представитель МИД России Мария Захарова (ТВ Центр/16.03.2016).*

*Don't isolate Russia in this climate of **Cold War** rhetoric — we must all work together (M. Gorbachev/ The Independent 19.03.2016). Не изолируете Россию в стиле риторики “Холодной Войны” — мы должны работать вместе.*

Из выше представленных метафор, мы видим, что военные действия ведутся не только на фронтах в Сирии, но также и на информационных. Война против всех, война политиков друг, против друга, одной информационной картины против другой, одного государства против другого.

2. Фрейм «Военные действия и вооружения»

Слот 2.1 Военные действия

Использование данной группы метафор в Сирийском конфликте, в большей степени направлены на отражение военных действий на политиче-

ской арене. В данном слоте представляется возможным выделить следующие концепты: ответный удар, маневр, борьба, оборона, manoeuvre (маневр), gambit (гамбит)

Ответный удар: о чём говорили главы МИД России и Сирии (Регнум/ 27.11.2015).

Отвлекающий маневр Путина (Радио свобода/05.01.2016).

Политико-дипломатическая борьба вокруг формата начавшегося в Женеве третьего раунда переговоров по сирийскому урегулированию хорошо показывает, к чему стремятся противостоящие официальному Дамаску силы (Геополитика/03.02.2016).

Vladimir Putin may be preparing to drop Syrian president Bashar al-Assad as the Russian leader manoeuvres for a key role in peace negotiations (J. Robinson/ The Daily Mail 13.03.2016). Владимир Путин, возможно, готовится отказаться от сирийского президента Башара Асада, совершив ключевой маневров в мирных переговорах по Сирии.

Putin gambit over Syria proves to be dual-edged sword (B. Hubbard dec. 15.12.2015). Гамбит Путина в Сирии оказался палкой о двух концах.

Также для демонстрации противостояние различных сторон на политическом поле, в ряде СМИ были обнаружены следующие номинативные единицы: отступать, обороняться, атаковать.

Путин загоняет врагов Сирии и России в угол, а США отступают (А. Новак/ Блокнот 02.10.2015).

Кроме того, РФ и иные государства могут перемирие воспринять как знак слабости западного сообщества и в особенности США. Поэтому все перечисленные процессы – и особенно демонстрация того, что евроатлантическую политику можно вынудить поменять посредством военных российских операций – грозят подтолкнуть Кремль еще более упорным образом преследовать собственные цели в будущем. В итоге Западу будет сложнее обороняться от агрессивной московской политики (А. Абрамович/ БЛ 06.03.2016).

В российском и американо-британском политическом дискурсе большинство метафор, используемых для описания политических путей решения сирийского кризиса, могут обладать как отрицательной, так и положительной коннотацией, в зависимости от читателя. Если западный читатель расценивает маневры Путина как коварные шаги, способные подрвать национальные интересы Запада, то российские отнесут те же самые маневры как последовательные, логичные действия решения подобного кризиса президента РФ.

Слот 2.2 Виды вооружений

Примеры связанные с данным слотом непосредственно связаны с миграционным кризисом возникшим в Европе. В данном слоте можно выделить следующие концепты: оружие, бомба, weapon (оружие).

*Главком объединенных вооруженных сил НАТО в Европе Филип Бридлав заявил о превращении ситуации с беженцами в **оружие** России и Сирии. С его точки зрения, Москва и Дамаск используют это для давления на Европу (РБК/ 02.03.2016).*

*Сирийские беженцы – **бомба замедленного действия** (А. Дрюжон/ Russia Today 19.09.2013).*

*«**Ненормальная «бомба»,** напичканная радикальными идеями» (Г.Александров/ Росбалт 02.03.2016).*

Огромное число беженцев, прибывших в Европу, поставило под угрозу систему безопасности ЕС. В связи с этим в СМИ появилось большое количество статей, способствующих представлению беженцев в образе оружия, способным уничтожить зону Шенгена, а впоследствии и Европейский Союз. В Западных и российских СМИ сфера-мишень «Беженцы» является общей и в том, и другом дискурсе, однако, в представлениях американских и британских читателей угрозу представляют не сами беженцы, а политики использующие их для достижения поставленных целей. Ср:

*Putin's strategic mistake: use of Syrian and Iraqi **refugees as a weapon** against NATO (А. Corr/ Forbes 06.05.2016). Стратегическая ошибка Путина использовать сирийских и иракских беженцев как оружие против НАТО.*

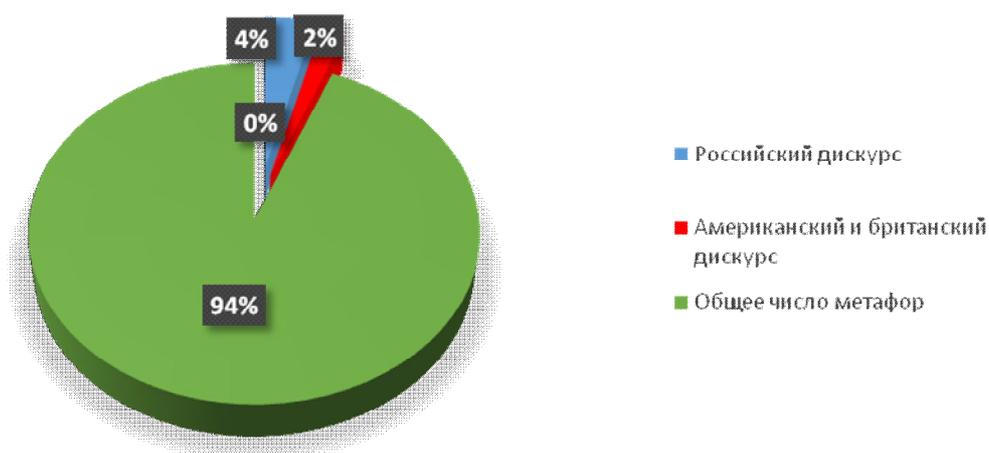
Refugees are becoming Russia's weapon of choice in Syria (S. Tisdall/ *The Guardian* 16.02.2016). *Беженцы становятся оружием выбора в Сирии.*

Starvation in Syria remains weapon of war despite partial ceasefire (M. Chulov/ *The Guardian* 08.04.2016). *Голод в Сирии остается оружием войны, несмотря на частичное перемирие в Сирии.*

Милитарная метафора активно используется только для того, чтобы перенести события, происходящие на сирийском фронте, на фронт политический. Этим объясняется ее низкая частотность, так в российском политическом дискурсе использование метафорической модели со сферой-источником «Война» составляет только 7% от общего корпуса метафор, в британском и американском – 4%.

Анализ метафор выявил общие параллели во всех трех дискурсах. Как в российском так и в американском и британском политическом дискурсе выявил такие метафорические модели как «БЕЖЕНЦЫ – ЭТО ОРУЖИЕ», «ПРОЦЕСС МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ – ЭТО ВОЙНА».

Диаграмма 4. Частотность метафор со сферой-источником «Война» в российском, американском и британском политическом дискурсе

Также с начала сирийского кризиса по настоящее время было проведено большое количество переговоров по данной теме. Многие из этих перего-

воров были сопряжены с тяжелейшими спорами и трениями. Тут же вспоминается представлено пример из книги Дж. Лакоффа “СПОР — ЭТО ВОЙНА”. Именно данный тип метафоры способен полно и точно описать процесс, а также различные механизмы, задействованные политиками, для достижения результатов.

2.6. Метафорическая модель со сферой-источником «Театр»

Одна из наиболее распространенных на сегодняшний день является метафорических моделей. Как отмечает Н.А. Кузьмина [Кузьмина, 1999, с.186] театральная метафора восходит к временам Шекспира, который сказал, что “ЖИЗНЬ — ЭТО ТЕАТР”.

Театральная метафора очень характерна как для русской, так и зарубежной действительности. Использование данной метафорической модели в политическом, в частности масс-медийном дискурсе, объяснимо возможностью переноса действительность политическую на действительность театральную.

Театральная метафора характеризуется своей неискренностью искусственностью, ненатуральности, имитацией реальности. Участники сирийского конфликта живут не своей жизнью, а исполняют чьи-либо приказы.

Основой для такой метафоризации, возможно, служат: во-первых, инциденты связанные с попаданием оружия, а также боеприпасов в руки возвращенных террористов ИГИЛ. Во-вторых, развернутая информационная борьба в СМИ, их нелогичность, порой, абсурдность, что также наталкивает на выводы о том, что это такой же инструмент политической борьбы финансируемые заинтересованными лицами. В-третьих, длительная антитеррористическая операция международной коалиции против ИГИЛ, что привело к его распространению на широкие территории Сирии и Ирака.

Обозначим следующие фреймы.

1. Фрейм «Вид зрелища и жанр представления»

На протяжении уже нескольких лет ситуация в Сирии достаточно часто сравнивается с зрелищным представлением, в котором можно выделить такие концепты, как: театр, цирк, сценарий, концерт, спектакль, передача.

*Что касается ИГИЛ, да, действительно наши ребята нанесли урон, разбомбили склады с оружием и все прочее. Но нужно четко понимать, что ИГИЛ – это неструктурное подразделение спецслужб англосаксов. И бороться с терроризмом в условиях, когда Соединенные Штаты имеют военный бюджет больше, чем консолидированный бюджет всех остальных стран мира, используют террор как инструмент внешней политики, очень сложно. Я приведу элементарный пример. Установилось некое перемирие, мы перед этим жестко отработали по ИГИЛ. Что происходит дальше? А дальше нам **показывают цирк**: якобы ИГИЛ вступил в бой с "неумеренной оппозицией", что является тем же, что ИГИЛ, и ИГИЛу "удалось отбить огромное количество оружия и боеприпасов(А. Жилин/ Накануне 15.03.2016).*

*На этом фоне сформированная американцами якобы для борьбы с террористами коалиция из 63 государств, являла **жалкое зрелище** (Звезда/ 4.03.2016).*

*Чтобы перебороть ступор, охвативший мощный западный интеллект, аналитики решили прибегнуть к испытанному методу мозгового штурма. В их исполнении это похоже на **пародию известной передачи "Что? Где? Когда?"**: возмущенный коллективный разум генерирует поток бредовых идей, из которых СМИ выдергивают наименее, на взгляд журналистов, отдающие шизофренией.*

*"**Концерт** людоедов надо разгрести" (Е. Рыковцева/ Радио свобода 06.10.2015).*

*"В контексте политического урегулирования сирийского кризиса не прошел незамеченным и, опять же, давайте называть вещи своими именами, такой **спектакль** с мнимой отставкой 29 мая главного переговорщика так называемого Высшего комитета по переговорам (ВКП) сирийской оппозиции" (М. Захарова/ РИА 02.06.2016).*

С помощью подобных метафор российские СМИ представляют политику США и их союзников по международной коалиции как искусственную имитацию разного рода действий, несогласованных, комичных и порой вызывающих жалость.

В Западном политическом дискурсе представлены метафоры *puppet show*, *political theatre*.

Director Matt Chancey said Thursday a lot of resolutions like the one passed Monday by House Republicans – pertaining to Iraq and Syria – tend to be political theatre (A. Brothy/ Economist 12.02.2016).

The EU and NATO must have their own agenda with Russia, not be part of the Kremlin's puppet show (M. Weiss/ The Daily Beast 18.03.2016).

“The puppet show opening in Geneva this weekend with its marionette actors — oppositionists of all colors whose strings are being pulled by their many sponsors in Turkey, and the monarchies of the Persian Gulf — will be doomed until the masters of this opposition farce do not agree with the other international players, including Iran, U.S. and Russia” (H. Amos/ The International Business Times 01.02.2016).

Russians like Putin's show of military might in Syria (The Tribune 05.03.2016).

2. Фрейм «Участники представления и их игра»

Слот 2.1. Участники представления

Данный слот наиболее широко способен представить участников сирийского конфликта, в роли *дирижера, кукловода, актера, клоуна, марионетка*. Некоторые из этих метафор выражают неискренность, наигранность, порой, отсутствие, даже, самостоятельности. Предстает возможность выделить оппозиции лиц, управляющих всем процессом и находящимися в тени, за кулисами, и тех, кто исполняет поставленную перед ними роль: “Дирижер — оркестр”, “Кукловод — марионетка” и “Режиссер — актер”.

Дирижёр «арабской весны» Джон Маккейн и халиф Ибрагим; Мелкие группировки вливаются в асадовское ополчение регулярно, либо остаются

независимыми, но координируют действия с армией. Самый же крупный партнёр — Сирийская Демократическая Армия, суннитская массовка, которая сражается на севере страны в плотной связке с курдами и правительственными солдатами (Эксперт/ Петр Скоробогатый 22.01.2016).

Оркестр меняет дирижера. Однополярный мир кончился в Сирии. (Я. Кедми/ Военно-промышленный курьер 02.12.2015).

"ИГИЛ играет на Forex со знанием дела. Это "кукловод", инсайдер на рынке мировых и ближневосточных валют. У ИГИЛ есть выход на официальные государственные и межгосударственные организации, которые создают те или иные события, — говорит Крылов. — Скажем, если хорошо "спрогнозировать" добычу нефти, то, конечно, можно предсказать и курс доллара к той или иной ближневосточной валюте" (Вести/ Валерий Емельянов 3.03.2016).

Белый дом увидел сходство между «Исламским государством» и Джокером (Лента/ Джош Эрнест 15.03.2016)

Зато главком сил НАТО, американский генерал Филип Бридлав, на днях обвинил в кризисе с беженцами... Россию. Тут уж руками разведёшь, налицо иллюстрация поговорки «цирк уехал, клоун остался» (Е. Зотов/ АиФ 10.03.2016). Данный фрейм в британских и американских СМИ представлен метафорами clown (клоун), actor (актер).

Here's what the **White House clown** show on Syria looks like from the inside. You know it's bad when Kerry is begging you to bomb things to salvage his diplomatic credibility (D. Greenfield/ Frontpage Mag 15.03.2016).

Beyond the Middle East, Russia is trying to paint itself as a global leader — an **international actor** that takes responsibility and is able to stare the United States down instead of bowing to it (Sratfor 30.09.2015).

They will lose credibility inside Syria and appear to be Western/Gulf **stooges** who do what their **masters** say at the end of the day (J. Hudson/ Foreign Policy 25.01.2016). Они потеряют доверие внутри Сирии и представятся марионетками Запада и стран Залива, которые сделают то, что их кукловод при-

кажет им, в конце дня.

Слот 2.2. Игра актеров

От участников представлений требуется хорошая игра, которые зависят от стиля, жанра и вида представления. Метафоры данного слота используются в качестве источника образности, которые представляют политические действия их качества и взаимоотношения между другими участниками представления (политиками). Так в российском, американском и британском политическом дискурсе выделяются метафоры: *игра, роль, танец, role, dance*. Ср:

"Великобритания играет пассивную роль. Основное бремя лежит на нас (России) и США... Работа с британской стороны пока не ощущается", – сказал посол, выступая в воскресенье в Лондоне (РИА/Александр Яковенко 20.03.2016).

Этот саммит лишь подтверждает, что формат G7 выработал свой потенциал и постепенно превращается в дискуссионный клуб по интересам. Поведение его членов напоминает «танец поработанных народов» перед своим победителем (И. Морозов/ Известия 02.06.2016).

Встреча Лаврова и Керри: хорошая мина и плохая игра Вашингтона (Regnum 15.12.2015).

"Наш другой приоритет — это прекращение кровопролитной гражданской войны", — продолжил дипломат, заметив, что для этого США работают с Россией и другими странами, которые играют важную роль в Сирии с целью начала процесса политической передачи власти (М. Тоннер/ ТАСС 24.05.2016).

*Russian special forces are also **playing a major role** in wresting key parts of Syria from the Islamic State, most recently in Palmyra, where Syrian forces launched a major offensive. The Russian Spetsnaz are the glue that held them together (K. Demirjian/ The Washington Post 30.03.2016). Российские спецслужбы также играют важную роль в захвате ключевых территорий Сирии у*

Исламского Государства, в последнее время в Пальмире, где сирийские войска начали крупное наступление. Российский спецназ являются клеем, который удерживает чатси сирийской армии вместе

Syrians must play a greater role in the political transition, rather than simply accepting dictation from Moscow and Washington (D. Ignatius/ The Washington Post 19.03.2016). Сирийцы должны играть более активную роль в политическом переходе, а не просто принимать диктовки из Москвы и Вашингтона.

*Those vested in the future of Syria have **danced the dance of diplomacy** ever since the civil war began. They **twist and turn** as they discuss peace in Geneva, they **step and sway** through the battlefield. The ideal outcome for President Bashar al Assad and his supporters in Russia is to persuade the U.S.-led coalition backing the rebels to jointly fight against the Islamic State. Such a move would undermine Washington's opposition to the al Assad government and aid Moscow in its efforts to engage diplomatically with the United States on other issues (Stratfor 30.03.2016).*

Те, законы определяющие будущее Сирии напоминали танец, танец дипломатии, который начался с момента гражданская война. Они кружились, когда обсуждают мирный процесс в Женеве, они исполняли лодочку сражаясь на поле битвы. Идеальный результат для президента Башара аль Асада и его сторонников в России, убедить США и руководство коалиции, которая поддерживает повстанцев, объединиться в борьбе против Исламского Государства. Такое движение оказало бы поддержку Асаду со стороны Вашингтона и помочь Москве в решениях других вопросов совместно с Соединенными Штатами.

Dancing with dictators against Islamic State. The U.S. and its allies can defeat ISIS. Joining with Putin, Assad and Iran's regime would be immoral (G. Kasparov/The Wall Street Journal 17.11.2015). США и их союзники могут победить ИГИЛ, не танцую с диктаторами. Присоединятся к Путину, Асаду и Рухани было бы аморальным.

*The prerequisite for these, and other, initiatives, however, is to accept the fact that Russia has opted for geopolitical confrontation. Its behavior in Crimea, and its efforts to distract, deceive and destroy in Syria, show clearly that it is no longer content **to play second fiddle in the international ensemble**: It wants to play its own leading role, no matter how much discord this causes. (M. Czuperski, J. Herbst, E. Higgins, F. Hof, B. Nimmo/ Atlantic Council 04.2016).*

Предпосылкой для этих и других действий, это то, что Россия выбрала для себя путь геополитического противостояния. Ее поведение в Крыму, и ее попытки отвлечь, обмануть и уничтожить Сирию, ясно показывают, что она больше не собирается играть вторую скрипку в международном ансамбле: Она хочет играть свою собственную ведущую роль, независимо от того, сколько проблем это вызывает.

В российском дискурсе данный слот представляют метафоры несущие в себе негативную окраску по отношению к международной коалиции во главе с США, оценивая их политику через метафоры «плохая игра», «пассивная роль». В британском и американском дискурсе для описание подобных процессов используются весь спектр метафор, не обошлось без метафор с отрицательной коннотацией, однако, некоторые из них порой имеют положительную атрибуцию, например “playing a major role”

3. Фрейм «Театральные здания и театральные реквизиты»

Любое театральное представление не обходится без реквизита, который нужен для создания необходимого фона или атмосферы и дополнения к сценическому образу актера. Многие политические игроки используют его, чтобы скрыть, утаить свои подлинные цели нахождения и участия в сирийском конфликте. Концепты обозначающие театральные реквизиты: маски, бутафория. В британском и американском дискурсе концепты masks (маски), arena(арена), stage (сцена).

***Маски** были сброшены. Для США это геополитическое поражение, для крупного капитала — потеря миллиардных прибылей, падение престижа американского доллара, расшатывание мировой финансовой системы.*

«Это была бутафория, имитация борьбы с террористами. ... Мы слышали, что самолеты коалиции бомбят ИГИЛ, но никто не видел результатов. И если бы законная сирийская власть игиловцам сдалась, то ряды их увеличились бы многократно», - отметил главком ВКС.

Putin's oil pact with Saudis masks threat of inflaming Syria war (G. Meyer/Bloomberg 18.02.2016).

Talk of peace masks harsh reality of war (D. Pratt/ The Herald 08.05.2016).

Крупнейший перед началом войны сирийский город Алеппо до сих пор представляет собой арену ожесточенного противостояния между различными оппозиционными группировками и лояльными президенту Башару Асаду силами (О. Шкуренко/ Комерсант 15.05.2016).

“Это наша принципиальная позиция, от которой мы не отходим. Это требует серьезного и конструктивного отношения со стороны всех участников этого процесса, а попытки превращать женевскую площадку в сцену для какого-то дешевого пиара либо самопиара рассматриваем как неуважение к международному сообществу” (М. Захарова/ ТАСС 02.06.2016).

Сирийский «железный занавес» мешает турецким самолетам (НТВ 14.10.2012).

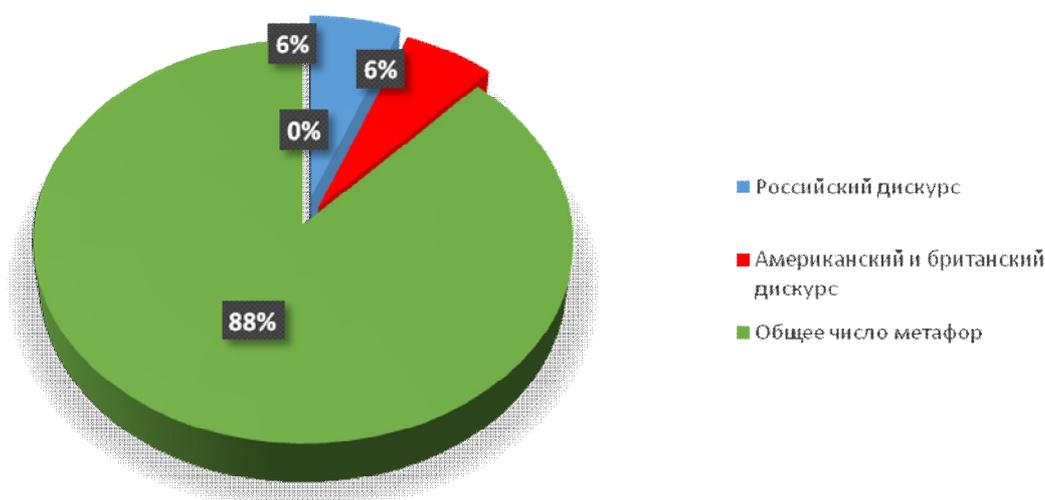
The strategic constants in the wake of Russia's military redeployment out of Syria include the following: First, the continuation of the US-Russian partnership in the Syrian arena, and its expansion into Yemen and Iraq where the remaining time Barack Obama has in the White House will be used to consolidate achievements in bilateral relations (R. Dergham/ The Huffington Post 20.03.2016).
Стратегические постоянные военной передислокации России из Сирии включают в себя следующее: Во-первых, продолжение американо-российского партнерства внасирийской арене, и ее расширения в Йемене и Ираке, где в оставшееся время Барак Обама и Белый дом будут использоваться ее для закрепления достижений в двусторонних отношениях (P. Dergham / The Huffington Post 20.03.2016).

The bulk of our attention will be attached to the discussion of our coopera-

tion on the *international arena*, especially the Syrian question (S. Lavrov/ *The Guardian* 24.03.2016). Основная часть нашего внимания будет прилагаться к обсуждению нашего сотрудничества на международной арене, особенно сирийского вопроса.

Как показывал качественный анализ единиц метафорических со сферой-источником «Театр» количество метафор используемых в российском и американско-британском политическом дискурсе составляет 12%.

Диаграмма 5. Частотность метафор со сферой-источником «Театр» в российском, американском и британском политическом дискурсе

Анализ метафорических моделей во многом выявил отсутствие параллели в сфере-мишени метафорической экспансии. Если целью Западных СМИ стали политики России, то в отечественных – ход переговоров по мирному урегулированию конфликта. Однако, сама Женевская площадка, в британской, американской и российской представляется в виде театральной сценой, где актеры — это политики, которые играют различные роли в сирийском конфликте, а их решения и истинные намерения скрыты под театральными масками.

Ситуация в Сирии — это не просто военный конфликт в виде коктейля из борьбы с террористами, а также гражданской войны, но и масштабной

геополитической игрой, цели и мотивы которой до конца никем не поняты. Абсурдность действий и заявлений, исходящих от политиков самого разного ранга, постоянные информационные вбросы, а также появляющаяся информация о причастности тех или иных политических фигур в связях с террористическими организациями, заставляют задуматься о наличии искренности всех сторон в Сирийском конфликте.

2.7. Метафорическая модель со сферой-источником «Спорт и игра»

Данный тип метафоры достаточно широко распространена в политическом дискурсе. В доказательство данному утверждению можно привести исследования таких ученых как Н. Хоув, который пришел к выводу, что концептуализация политической деятельности в США происходит с помощью спортивных метафор. В отечественной школе, можно выделить работу А. А. Касловой. В своей диссертации выделила метафорическую модель “ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА — ЭТО СОРЕВНОВАНИЯ ИГРА”, которая оказалась ведущей моделью как для американского, так и российского политического дискурса [Каслова 2003].

Обратимся к мнению А.П. Чудинова, с целью определения прагматического смысла, как пишет А.П. Чудинов «игра изначально воспринимается как имитация деятельности, а не как сама деятельности» [Чудинов, 2001, с.129]. Поэтому прагматический аспект подобной метафорической моделью проявляется в искусственности политической деятельности, что также позволяет скрыть серьезность описываемых события, сведя их до событий игровых.

Спортивная метафора не обошла стороной и ситуация вокруг Сирии. Среди метафорических моделей найденных в СМИ хорошо прочитывается отношения ряда авторов статей к тактической и логической спортивной игре, где каждый ход может стать решающим.

Наиболее продуктивными метафорическими моделями описывающий сирийский процесс, является фрейм виды игры и спорта.

1. Фрейм «Виды игры и спорта»

К данному фрейму мы также отнесли и бытовые игры, которые не относятся к традиционным видам спорта. Примером таких игра являются различные карточные игры, домино.

Мировые шахматы: сирийский шах и русский мат (О. Денежка/Федеральное Агентство Новостей 05.05.2016).

*Несмотря на все оговорки, сомнения и соображения относительно исхода азартной игры, затеянной Москвой, нелогично было бы полагать, будто действия России в Сирии продиктованы исключительно стремлением добиться политического урегулирования и **получить козырь** на переговорах с США по другим вопросам (М. эль-Лаббад/ Россия в глобальной политике 15.01.2016).*

*Для России сирийская кампания подобна **азартной игре** с непредсказуемым исходом М. эль-Лаббад/ Россия в глобальной политике 15.01.2016).*

*С учетом трансграничных племенных, этнических и религиозных связей соседей в Леванте и мозаичной структуры иракского и ливанского обществ расчленение Сирии вызовет **эффект домино** в Ираке и Ливане, поскольку внутренние конфликты в этих странах вызваны практически тем же религиозным расколом и разногласиями (Дж. Фридман/ Россия в глобальной политике 11.06.2011).*

*Башар Асад дает российским военным **козырь** легитимности для продолжения операции, поэтому русские будут защищать его до достижения приемлемого для всех решения (Лента/ 18.01.2016).*

В британских и американских СМИ были выделены следующие игровые метафоры: chess,

*I think the U.S. is playing checkers and Russia is playing **chess** here (B. Browder/ CNBC 01.12.2015).*

***The Syrian Chessboard: Behind the Game Played by Russia, Israel, the U.S. and Other Powers** (K. Vick/ Time 31.05.2013).*

*From a position of strength, Putin has **rolled the dice**. Is there common*

sense in the West? I fail to see any. I see arrogance, hubris, idiocy, immorality, inhumanity, complete and total stupidity. These are the characteristics of Western governments. They amount to a deranged criminal enterprise organized against humanity (Foreign Policy (P. C. Roberts/ Foreign Policy 01.04.2016)

2. Фрейм «Правила игры»

Любая игровая деятельность ограничена набором строго установленных правил, регламентирующих поведение спортсменов, а также запрещающих проведению особых приемов. «Сирийская игра» также обладает рядом ограничений, за нарушение которых, предусмотрены наказания.

Слот 2.1. Правила игры

Любая спортивная игра обладает рядом заранее установленных правил, так в политике существуют различные законодательства, международное право, резолюции ООН и др. Именно эти законодательные документы и легли в основу метафоризации.

После атаки на Су-24 Россия меняет правила игры в Сирии (РК Юрий Бармин/ 04.12.2015).

Сенатор США: вывод ВКС РФ из Сирии не меняет "правил игры" (МК Линдси Грэм/16.03.2016).

Эксперт: российская система залпового огня «Буратино» изменит правила игры в Сирии (МК Илья Евграфов/ 4.12.2015).

Полный фэйр-плей. Россия поменяла правила игры в Сирии и Ираке. Играли-играли американцы с ИГИЛ в Ираке, да и доигрались. И неудивительно, что Багдад с тоской смотрит на операцию российских ВКС в соседней Сирии. Там-то за считанные дни сделано больше, чем в Ираке американцы сделали за год (РИА Семен Додатко/ 05.10.2015).

Obama and Putin spar over Syria at the U.N., meet privately for 90 minutes (B. Wolfgang/ The Washington Post 28.09.2015). Обама и Путин устроили личный боксерский поединок по вопросам Сирии, уже около 90 минут.

So Russia was fully aware of the rules by which Turkey is playing, and they are rules which Russia understands (K. Giles/ The Guardian 24.11.2015). Россия

была полностью осведомлены о правилах, по которым играет Турция и Россия их понимала.

*Gulf states plan military response as Putin **raises the stakes** in Syria (E. Graham-Harrison/ The Guardian 04.10.2015). Страны Залива планируют военный ответ, так как Путин поднял ставки в Сирии.*

*A lucky gambler, Vladimir Putin knew when **to raise the stakes and when to cash in his chips** (The Economist 15.03.2016). Удачливый игрок, Владимир Путин знал, когда повышать ставки и когда забирать кэш.*

*Russia holds the **'highest value card'** in Syria, but is nowhere near ready to play it (N. Bertrand/ Business Insider 27.01.2016). У России есть козырь в Сирии, но она не готова пока играть им.*

***We have to play the game the way they're playing the game.** You're not going to win if we're soft and they're — **they have no rules** (D. Trump/ The Huffington Post 08.03.2016). Мы должны играть в игру по тем правил, по которым играют они.*

*Putin created **'new rules of the game'** in Syria (M. Kelley Business Insider 30.09.2015). Путин создал новые правила в Сирии.*

Mr. Putin benefits from reminding both parties (and the West) of his ability to wreak further havoc in a region already marred by conflict, lest

Слот 2.2 Нарушение правил

Геополитическая игра затеянная рядом стран очень часто требует от политиков поиска обходных путей в международном праве. Именно нарушение этих норм и нашло отражение в данном фрейме. Примерами таких метафор являются недобросовестная и нечестная игра, блеф, bluff. Ср:

*О плане «Б», придуманном США на случай срыва перемирия в САР, было известно и ранее. Россия заявляет, что все разговоры на эту тему — это **«недобросовестная и нечестная игра»**, направленная на срыв мирного процесса. (С. Роньжсена/ НТВ 13.04.2016).*

Сирийский Генштаб на днях сообщил, что «данные, полученные агентурной разведкой и беспилотниками, однозначно свидетельствуют о том,

что мы имеем дело с **большим блефом**», так как никакие озвученные СМИ «огромные силы» под Ракку не переброшены (В. Мухин/ Независимая Газета 30.05.2016).

*The no fly zone pledge turned out to be a **bluff** to try to get Assad's allies to put more pressure on him to resign (K. Dilanian/ NBC News 02.04,2016).* Обещания по созданию беспилотной зоны оказались блефом, попыткой оказать большее давление на союзников Асада и на него самого, чтобы тот ушел в отставку.

3. Фрейм «Итоги соревнований»

Любое спортивное событие окончившееся чествованием победителей и уходом проигравших. Сроки окончания сирийского конфликта еще до сих пор для всех остаются загадкой, однако, успехи в выполнении ряда шагов по урегулированию кризиса уже есть. По этой причине в средствах массовой информации встречаются метафоры «победа», «поражение», «выигрывать», “winner”, “victory”. Ср:

*Россия **выиграла** в Сирии вопреки предсказаниям США (Дж. Коэн/ РИА 15.03.2016).*

*Syria: The **winners and losers** are becoming clear in this war (P. Cockburn/ The Independent 14.02.2016).* В этой войне появились победители и проигравшие.

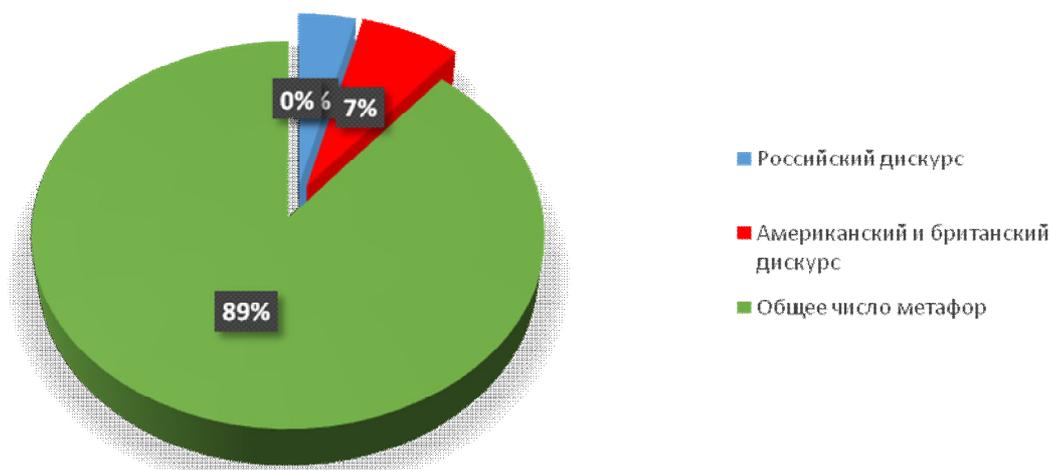
*Russia is the big **winner** in Syria's flawed 'truce' (The Guardian 12.02.2016).* Россия победитель в расколотом сирийском перемирии.

*Despite the **bluff and bluster** of Putin's **victory** speech in the Kremlin today, rights groups on the ground in Syria say Moscow's air campaign has killed around 2,000 civilians (P. Knox/ Daily Sun 18.03.2016).* Несмотря на блеф и пустые угрозы победной речи Путина сегодня в Кремле, правовая группа по Сирии заявила, что воздушная операция в Сирии унесла около двух тысяч жизней гражданского населения.

В российских СМИ количество метафор принадлежащих к сфере-

источнику «Спорт и игра», актуализированных для осмысления сирийского конфликта составляет 4%. В Американской и британской прессе это значение составляет 7%, что свидетельствует о большей распространенности данной метафорической модели.

Диаграмма 6. Частотность метафор со сферой-источником «Спорт и игра» в российском, американском и британском политическом дискурсе

Как и в большинстве фреймах, описанных в данной работе, сфера-мишень постоянно меняется. Так в западном политическом дискурсе большинство отобранных метафор обладают положительной коннотацией, когда описываются шаги предпринятые их правительством и, наоборот, отрицательный оттенок при описании действий России, даже с использованием таких лексем как «победа», «победитель». Однако, существуют и прецеденты, так в статье британской газет The Independent автор использует метафору с входящими в нее концептами «победитель» и «проигравший». Из контекста становится нам становится понятна его позиция, которая схожа с позицией авторов отечественных СМИ, что свидетельствует о схожести, пусть не в столь высоком соотношении. При описании действий Путина в западных используется метафора «блеф», «повышать ставки» и др., что отражает представления западных читателей о президенте РФ как о хитрой и коварной по-

литической фигуре.

Приведенные выше примеры показывают, что основания для метафорической экспансии спортивных метафор в сферу политики, частности «Сирийский конфликт» — противостояния разных стран в большой сирийской игре, где значительны успех предполагает наличие выгодных карт и средств необходимых для изменения правил этой игры. В подобных образах стоит учитывать прагматические смыслы данной метафоры, в отличие от метафоры театральной и военной, метафора спортивная не передает присущую первому виду жестокость и неискренность второй. Целью спортивной игры является победа над соперником, однако осуществленная в рамках установленных правил.

Выводы по второй главе

Проведенный анализ метафорических моделей во второй главе позволяет сделать следующие выводы о функционировании метафорических моделей в российском, американском и британском политическом дискурсе.

1. Выделить количественные характеристики использованных метафор в российском, американском и британском политическом дискурсе.

Сфера-источник метафорической экспансии	Российские СМИ	СМИ США и Великобритании
Человеческий организм	13 %	12 %
Болезнь	7 %	15 %
Мир животных	15 %	10 %
Война	4 %	2 %
Театр	6 %	6 %
Спорт и игра	4 %	6 %

2. Для российского, американского и британского политического дискурса одной из наиболее продуктивной метафорической модели является метафора со сферой-источником «Человеческий организм». Сферы-мишени метафорической экспансии во всех трех дискурсах достаточно варьируются.

3. Морбиальная метафора также относится к наиболее частотным и разработанным в данном исследовании. Как для российского, так и американского и британского политического дискурсы характерен схожий инвентарь метафор, описывающих определённые новую понятийную область. Например, «ТЕРРОРИЗМ – ЭТО РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ», однако также встречаются метафоры, наделенные культурно-специфическими особенностями, как, например, «ТЕРРОРИЗМ – ЭТО ПАНДЕМИЯ/ЧУМА».

4. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир животных» используется, также во всех описываемых дискурсах. Схожие сферы-источники, с помощью которых происходит концептуализация сирийского конфликта, не означают схожие позиции и пути решения проблемы по Сирии. Метафорические образы нацеленные на сферу-мишень обладают негативными эмотивными характеристиками, что свидетельствует только о наличие противоречий между участниками конфликта.

5. Осмысление конфликта в Сирии через милитарную метафору в российских, британских и американских СМИ происходит крайне редко. Боевые события в Сирии крайне сложно описать с помощью данной метафоры, однако политические переговоры на полях Женевы и ООН, на страницах многих отечественных и зарубежных изданий, рассматриваются именно через понятийную область войны и военных действий.

6. Как показал анализ, частота использования метафорической модели со сферой-источником «Театр» составляет одинаковое процентное соотношение в политическом дискурсе России, США и Великобритании. Используемые сфера-мишени направлены на описания политиков, принадлежащим к разным сторонам конфликта, и их действия на политической арене. Не

смотря на это единства точек зрения ни той, ни с другой стороны нет. Используемые метафоры демонстрируют неискренность сторон, а переговорные процессы им напоминают различного рода театральные представления.

7. Спортивная метафора является не самой частотной для осмысления сирийского конфликта. Количество найденных примеров свидетельствуют о большом использовании ее в англоязычном дискурсе. Кроме того, политические переговоры по вопросу Сирии в американском и британском дискурсе сравниваются преимущественно с карточными играми, где участники не выдают своих эмоций, а до конца пытаются скрыть свои карты и шансы на победу, часто блефуют и имеют на руках козыри. В российском дискурсе сирийский конфликт обретает образ шахматной игры, в которой менее важны не эмоции, а стратегия и детально обдуманные шаги.

Заключение

Обобщение материала исследования в данной работе позволяет отметить следующие положения.

Когнитивная лингвистика является одним из ведущих направлений в лингвистической науке. Когнитивная лингвистика значительно расширяет область интересов языкознания, расширяя ее до изучения корреляции языка с мышлением. В рамках когнитивной науки одним из способов концептуализации и категоризации окружающей действительности, создающей целостную языковую картину мира, является концептуальная метафора.

Сирийский конфликт является одной из актуальных и обсуждаемых тем в отечественных и зарубежных СМИ. Исследование метафорических моделей, проведенное в рамках данной работы, позволило выделить в СМИ России, США и Великобритании шесть метафорических моделей со следующими сферами-источниками: «Спорт и игра», «Театр», «Война», «Мир животных», «Болезнь», «Человеческий организм».

Наиболее разработанными в политическом дискурсе сирийского конфликта оказались антропоморфная, морбиальная и зооморфная метафоры. Средне- и низкочастотными оказались спортивная, театральная и военная метафоры.

Используемые в СМИ антропоморфные метафоры, описывающие сирийский конфликт, наполняются следующими регулярными метафорическими соответствиями: «СИРИЯ – ТЕЛО/ОРГАНИЗМ/СЕРДЦЕ», «ВОЕННАЯ КОМПАНИЯ РОССИИ И США – ЭТО ИГРА МУСКУЛАМИ», «РОССИЙСКИЕ ВС – ЭТО КУЛАК», «ПОБЕДИТЬ ТЕРРОР – ЗНАЧИТ СЛОМАТЬ ЕМУ ХРЕБЕТ, ОТРУБИТЬ ГОЛОВУ», «НЕФТЬ/НЕФТЕНАЯ СИСТЕМА – ЭТО КИСЛОРОД/ КРОВЕНОСНАЯ СИСТЕМА ИГИЛ».

С целью актуализации сирийского конфликта активно используется морбиальная метафора. Анализ позволил выделить следующие метафорические модели: «СИРИЯ – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ», «ИГИЛ – ЭТО РАКОВАЯ

ОПУХОЛЬ/ ВИРУС», «БОРЬБА С ИГИЛ – ЭТО ЛЕЧЕНИЕ РЕГИОНА»; (для западного дискурса) «ИГИЛ – ЭТО ЧУМА/МУТАЦИЯ/ПАРАЗИТ» «АСАД – ЯД ДЛЯ СИРИЙСКОГО НАРОДА».

Метафорической модели со сферой-источником «Мир животных» характерны концептуальные векторы жестокости и агрессии. Данное утверждение характеризуют следующие модели: (для отечественных СМИ) «ИГИЛ – ЭТО ЗВЕРЬ/ ЦЕПНОЙ ПЕС/ТАРАКАН/ЗМЕЯ», «ВС РОССИИ – ЭТО МЕДВЕДЬ/ВЕЖЛИВАЯ КОШКА», «ПУТИН – ЭТО ЛЕВ», «ПОМОЩЬ ТЕРРОРИСТАМ – ЭТО ПОДКАРМЛИВАНИЕ»; (американские и британские СМИ) «ИГИЛ – ЭТО ВОЛК», «ОТРУДНИЧЕСТВО С РФ – ЭТО ТАНЫ С МЕДВЕДЕМ»; (для всех трех типов дискурса) «БОРЬБА С ИГИЛ – ЭТО ОХОТА».

Несмотря на то что милитарная метафора оказалась менее частотной, а следовательно и менее продуктивной, удалось выделить следующие модели: «БЕЖЕНЦЫ – ЭТО ОРУЖЕЕ» (больше характерно для англоязычного дискурса), «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ – ЭТО БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ».

Театральные метафоры востребованы в одинаковой степени для дискурса России, США и Великобритании: (для российского дискурса) «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ – ЭТО ЦИРК/ЖАЛКОЕ ЗРЕЛИЩЕ/ПАРОДИЯ/КОНЦЕРТ/СПЕКТАКЛЬ»; (в американо-британском дискурсе) «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ – ЭТО КУКОЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ/ШОУ», «УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА – ЭТО ДЕРИЖЕР/КЛОУНЫ/КУКЛОВоды». Приведенные метафорические модели свидетельствуют об отсутствии искренности и открытости диалога по Сирии. Все политические шаги обсуждаются в кулуарах.

Спортивная метафора представлена следующими моделями: «СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ – ЭТО ШАХМАТЫ» (русские СМИ), «СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ – ЭТО АЗАРТНАЯ ИГРА», «ДЕЙСТВИЯ В СИРИИ – ЭТО ПОВЫШЕНИЕ СТАВОК, БЛЕФ» (СМИ США и Великобритании).

В целом, анализ метафорических единиц показал, что в российских и англоязычных СМИ складывается неоднозначное метафорическое представление сирийского конфликта. Негативное представление политических оппонентов, их дегуманизация подталкивает к развитию большей конфронтации между сторонами.

С одной стороны, инвентарь сфер-источников в СМИ трех стран очень похож. С другой стороны, метафорический потенциал данных сфер используется в анализируемых дискурсах по-разному. В англоязычных СМИ негативные метафорические образы призваны привносить пейоративные смыслы в концептуализацию не только ИГИЛ, но и президента Башара Асада, а также регулярной сирийской армии, которые по мнению британских и американских журналистов используются против своих собственных граждан и сирийской оппозиции. Очевидна следующая из этого инференция – антитеррористическая операция российских ВКС в Сирии направлена на помощь «злодею», против которого сражаются сирийские граждане.

Иная картина наблюдается в российских СМИ. Российские метафоры также концептуализируют ИГИЛ и Джебхат ан-Нусру как главных «злодеев» в сирийском конфликте, но среди пособников террористов – страны Ближнего востока (Турция, Катар, Саудовская Аравия), а иногда и страны-участники возглавляемой США антитеррористической коалиции. При всей схожести метафорических образов, наблюдаются значимые расхождения в аксиологическом аспекте конструирования картины мира и распределения ролей «злодеев», «жертв» и героев.

В рамках данной диссертационной работы представлены не все вопросы, связанные с метафорическим моделированием сирийского конфликта, которые могут в полной мере удовлетворить интерес специалистов в области когнитивной лингвистики и теории исследования концептуальной метафоры. Поэтому к перспективам дальнейшего исследования мы отнесем следующие направления:

- исследование метафорических единиц, функционирующих в санкционном дискурсе;
- исследование метафорических единиц, функционирующих в дискурсе экстремистов и террористов ИГИЛ;
- изучение невербальной метафоризации сирийского конфликта.

Список литературы

1. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – No 3. – С. 27–35.
2. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – No 1. – С. 37–67.
3. Баранов, А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991. – С. 184–193.
4. Баранов, А.Н., Караулов, Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. – 351 с.
5. Блэк, М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
6. Будаев, Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с.
7. Будаев, Э.В. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации// Политическая лингвистика. – 2008. No 26. – С. 37-38.
8. Будаев, Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. – 151 с.
9. Вершинина, Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.
10. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова; Под. ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
11. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.

12. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – No 4. – С. 17–32.
13. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
14. Караулов, Ю.Н., Петров, В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова; Под. ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11
15. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 208 с.
16. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 208с.
17. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу// Вопросы языкознания. – 1994. – No 5. – С. 126–139.
18. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. – No 6. – С. 132–149.
19. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. – Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – No 5–6. – С. 3–13.
20. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994.– No4.–С. 3–15.
21. Кубрякова. Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
22. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с. (Серия «Язык. Семиотика. Культура»).

23. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
24. Муране, С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 134 – 143.
25. Пименов, Е.А. Политические метафоры: новые и традиционные модели // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14 – 16 апр. 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 521–530.
26. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2002. – С. 370–390.
27. Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
28. Санцевич, Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 245 с.
29. Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; Предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – С. 12–53.
30. Скребцова, Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н.Л. Сухачева. – СПб, 2000. – 202 с.
31. Степаненко, А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2002.
32. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

33. Стрельников, А.М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 177 с.
34. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно- оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
35. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
36. Феденева, Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно- политических текстах 90 гг. XX века: Дис. ... канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 1997. – 181 с.
37. Федосеев, А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 20 с.
38. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003б. – 194 с.
39. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003а. – 248 с.
40. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
41. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
42. Шехтман, Н.Г. Зрелищные искусства как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004а. – Том 14. – С. 118–127.

43. Шехтман, Н.Г. Метафорическая модель выборы – это спортивное состязание в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004б. – Т. 12. – С. 156–158.
44. Юнг, К. Аналитическая психология и психотерапия / Сост. и общая ред. В.М. Лейбина. – СПб: Питер, 2001. – 512 с.
45. Ahrens, K., Chung, S., Huang, C. From Lexical Semantics to Conceptual Metaphors: Mapping Principle Verification with WordNet and SUMO // Proceedings of the 5th Chinese Lexical Semantics Workshop (CLSW-5). – Singapore, 2004. – P. 99–106.
46. Anderson, R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm> – 2002b.
47. Anderson, R.D., Jr. The Causal Power of Metaphor in Politics // www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/MetaphorsCauses.htm – 2002a.
48. Anderson, R.D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm> – 2001.
49. Andersson, T. Metaphorical Reasoning and Real Prototypes. Empirical Studies of Metaphors and Prototypes of Forest // http://www.lucs.lu.se/ftp/pub/LUCS_Studies/LUCS20.ps – 1993.
50. Berhó, D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. – George Fox University, 2000. – Vol. 54. – No 2. – P. 65–76.
51. Charteris-Black, J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. – 256 p.
52. Chilton, P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory,

Methodology and Interdisciplinarity / Ed. by R. Wodak, P. Chilton. – Amsterdam: Benjamins, 2005. – P. 19–51.

53. Chung, S., Huang, C., Ahrens, K. ECONOMY IS A TRANSPORTATION DEVICE: Contrastive Representation of Source Domain Knowledge in English and Chinese // Proceedings of the special session of Upper Ontologies and Natural Language Processing (UONLP), 2003 International Conference on Natural Language Processing and Knowledge Engineering (NLP-KE). – Beijing, 2003b. – P. 790–796.

54. Dijk, T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – No 2. – P. 249–283.

55. Dijk, T.A. van. Discourse, Ideology and Context // Folia Linguistica XXXV/1–2. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. – P. 11–40.

56. Drulak, P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.

57. Fauconnier, G., Turner, M. Conceptual integration networks // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – No 2. – P. 133–187. 169.

58. Fauconnier, G., Turner, M. Conceptual Projection and Middle Spaces // <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps> – 1994.

59. Grady, J., Taub, S., Morgan, S. Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996. – P. 177–187.

60. Harman, G. Cognitive science // The making of cognitive science: Essays in honour of George Miller // Ed. By W. Hirst Cambridge (Mass). 1988.

61. Hellsten, I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. – Tartu: Tartu University Press, 1997. – P. 121–141.

62. Heradstveit, D., Bonham G. M. Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA. — Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003. — Paper No. 655. — 36 p.
63. Hülse, R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // Zeitschrift für internationale Beziehungen. — 2003. — Vol. 10. — No 2. — S. 211–246.
64. Humboldt, V. Das bildende Organ des Gedanken. 1841 – 1852, т. 6, с. 51.
65. Kelly-Holmes, H., O'Regan, V. “The spoilt children of Europe ”. German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // Journal of Language and Politics. — 2004. — Vol. 3. — No 1. — P. 81–116.
66. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 202–251.
67. Lakoff, G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. — 1990. — Vol. 1. — No 1. — P. 39–74.
68. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live by. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 237 p.
69. Lule, J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. — 2004. — Vol. 5. — No 2. — P. 179–190.
70. Musolff, A. Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of English, University of Oxford, 29 March – 1 April 2001 // www.dur.ac.uk/modern.languages/depts./german/Musolff/crosslang.doc — 2001a.
71. Musolff, A. Metaphor and conceptual evolution // Metaphorik.de. — 2004a. — No7.— P.55–75.
72. Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. — 224 p.

73. Musolff, A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe.* – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b. – 224 p.
74. Musolff, A. *Metaphor scenarios in political discourse in Britain and Germany // Sinnformeln. Linguistische und soziologische Analysen von Leitbildern, Metaphern und anderen kollektiven Orientierungsmustern / Ed. S. Geideck, W. Liebert.* – Berlin: W. de Gruyter, 2003. – P. 259–282.
75. Musolff, A. *Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany.* – Munich: iudicium, 2000a. – 214 p.
76. Musolff, A. *Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development.*–2000b.– Vol.21.– No3.– P. 216–229.
77. Musolff, A. *Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // Language and Peace / Ed. C. Schäffner, A.L. Wenden.* – Aldershot: Dartmouth, 1995. – P. 93–110.
78. Musolff, A. *The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger.* – Aldershot: Ashgate, 2001b. – P. 179– 200.
79. Paris, R. *Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly.* – 2002. – Vol. 117. – No 3. – P. 423–450
80. Refaie, E. *Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics.* – 2001. – Vol. 5. – No 3. – P. 352–371.
81. Ritchie, D. *“ARGUMENT IS WAR” – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // Metaphor and Symbol.* – 2003a. – Vol. 18. – No 2. – P. 125–146.
82. Ritchie, D. *Categories and Similarities: A Note on Circularity // Metaphor and Symbol.* – 2003b. – Vol. 18. – No 1. – P. 49–53.
83. Ritchie, D. *Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // Metaphor and Symbol.* – 2004a. – Vol. 19. – No 3. – P. 233–244.

84. Ritchie, D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // *Metaphor and Symbol*. – 2004b. – Vol. 19. – No 4. – P. 265–287.
85. Rohrer, T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – No 2. – P. 115–137.
86. Santa, Ana O. Brown, *Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. – Austin: University of Texas Press, 2002. – 402 p.
87. Semino, E., Masci, M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. – 1996. – Vol. 7. – No 2. – P. 243–269.
88. Spellman, B., Ullman, J., Holyoak, K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // *Journal of Social Issues*. – 1993. – Vol. 49. – P. 147–165.
89. Turner, M., Fauconnier, G. *Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona*. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133–148.
90. Wei, J.M.Y. *Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse*. – Lanham: Lexington Books, 2001. – 144 p.
91. Zinken, J. *Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // Discourse and Society*. – 2003. – Vol. 14. – No 4. – P. 507–523. 286. Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik*. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002. – 262 P.
92. Zinken, J. *Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2004a. – Vol. 25. – No 5/6. – P. 1–13. 288.

93. Zinken, J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de*. – 2004b. – No 07. – P. 115–136.

Список источников

Аргументы и факты (АиФ)
Взгляд
Московский комсомолец (МК)
Комсомольская правда (КП)
Комерсант
Совершенно секретно (СС)
Известия
Независимая газета (НГ)
Новая газета
Новые известия.
Российская газета (РГ)
РБК
РИА
РИА-ФАН
ТАСС
Эксперт
Эхо Москвы
Russia Today
Regnum
BBC News.
Foreign Policy
Foreign Affairs
Reuters
The Daily Mail (DM)
The Daily Telegraph (DT)
The Economist
The Financial News (FN)

The Financial Times (FT)
The Guardian
The Huffington Post
The Independent
The Independent Sunday (IS)
The Mail on Sunday (MS)
The New York Times
The Observer
The Scotland on Sunday (SS)
The Sunday Herald (SH)
The Sunday Telegraph (ST)
The Times
The Washington Post
The Western Mail (WM)
Time